Алексей Войцекян

В Зеленом кольце

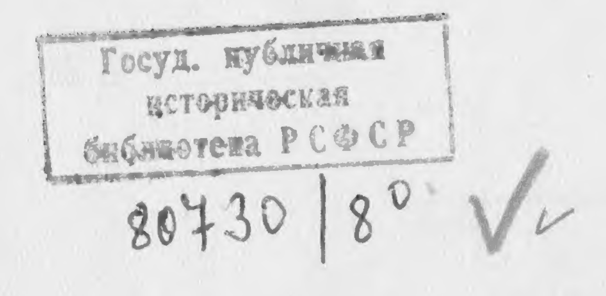
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1928

АЛЕКСЕЙ ВОЙЦЕКЯН

В ЗЕЛЕНОМ КОЛЬЦЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
3-я Мосполиграф
Малая Грузинская,
Столярный пер.,
дом 5-7.
1928 г.

Мосгублит № 3204 Тираж 4000

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От автора 5

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

В те дни 9

В „Десятую пятницу" 20

Мобилизация партийных сил 30

Выступление В. П. Ногина 38

Конец Кутыркина 42

Доклад Жихарева 44

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

За работой 53

Разведка 56

На выстрел 63

Тревога 64

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

У лесной сторожки 81

На „Чертовке" 84

Кольцо „зеленых" распалось 90

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Показания. зеленых 99

Показания крестьян 100

Приложение № 2. Показания по делу об организации „зеленых" в Усмерской волости Бронницкого уезда 103

Заключение судебного врача Исаева 116

Приказ № 10 117

Протокол заседания Президиума Следственной Комиссии 118

ОТ АВТОРА

Эти небольшие очерки из истории борьбы с дезертирством и движения „зеленых“ по Московской губернии в 1919 г. составлены мною на основании документов того времени и отчасти по моим личным воспоминаниям. В тот год, когда в местах, захваченных белыми, развернулось мощное крестьянское партизанское движение против натиска белогвардейцев и интервентов, московское крестьянство, оставаясь в стороне от фронтовой полосы и не зная ужасов колчаковщины, деникинщины, петлюровщины, частично поддается агитации эсеров, которые, опираясь на кулачество и офицерство, пользуются каждым проявлением недовольства в деревне, чтобы организовать движение против советской власти.

К сожалению, я не располагал достаточным временем, чтобы придать этим очеркам художественную законченность. Но я надеюсь, что и в таком виде простых зарисовок они дадут представление о характере того движения и тех колебаний в деревне, которые отражали возмущение мелкобуржуазных слоев против продовольственной политики рабочего государства и принудительной мобилизации в годы „военного коммунизма“.

А. Войцекян

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

В ТЕ ДНИ

Лето. 1919 год. Грозные дни. Жуткие вести.

Телеграф сообщал:

„Пробил и настал час грозных испытаний для революции.

Нами оставлен Харьков, Псков, Молодечно. Белогвардейские банды готовятся захватить Орел и „Красную кузницу“—Тулу.

Уже чувствуется дыхание вражеских сил. Из всех углов вылезают ядовитые гады: фабриканты, банкиры, генералы, спекулянты.

Чем дальше, тем труднее становилась борьба.

Наша республика была в те дни крепостью, осажденной со всех сторон врагами. Призывы звучали, как набат.

К оружию рабочие и крестьяне-бедняки!

Все, как один человек, под ружье!

Республика в опасности!

* * *

В Московском губкоме—Миньков, Дружинин, Сорин, Антон (Логинов) склонились над картой.

Антон протирает очки и замечает многозначительно:

Мм... да...

Сорин, воткнув на карте в г. Харьков белый флаг, скользнул взглядом по всем сторонам комнаты и тоже бросил:

— Да-да...

— А в общем, товарищи, положение наше, если и не катастрофическое, то во всяком случае грозное,— подвел итог Миньков.

— Нужны чрезвычайные меры... Сегодня заседание.

. . . .

* * *

В губвоенкомате Миньков М.[1]) Егозарианц также волнуясь разглядывали карту с флагами.

В особенности, как и всегда, горячился Егозарианц. Он—человек восточный; как только были получены сведения о положении на фронтах, он тут же весь ушел в разбор фронтовых операций.

— „Вот здесь,—рассуждал он про себя,—я бы защемил в кольцо наших войск зарвавшуюся конницу. А вот тут бы справа хватил ее во фланг".

Миньков на коленях, нагнувшись над фронтовой линией, отмеченной на карте, очевидно воображал себя в боевой обстановке.

— Вперед!—вдруг крикнул возбужденный Егозарианц.— Завтра же подаю рапорт об отправке на фронт. Нет больше сил быть только зрителем. Горит кровь. Эта тыловая работа перестала удовлетворять меня. Хочу драться с врагом в открытую, в рукопашную!

— Фронт—это еще не настоль трудная вещь,—прервал его губвоенком.—Разве дело в том, что ты тут, а не там? Белогвардейщина здесь вот, у нас под носом, го-

---

[1]) Постановлением XV партсъезда ВКП(б) исключен из рядов партии за принадлежность к Сапроновской группе „15".

лод, тиф, меньшевистские козни среди рабочих, эсеровские авантюры среди крестьян, дезертиры, наконец, подготовка пополнений для фронта... разве все это легче, чем фронт?

— Но ты пойми, Марк: здоров я, как бык, и вдруг... когда там...—он не досказал своей мысли.

Их прервал звонок телефона из губкома.

„Положение до чрезвычайности обострилось",—сообщала телефонограмма: „Банды Деникина на Южном фронте, грозящие захватить „Красную кузницу", продвигаются внутрь страны.

„Крестьянство, недовольное реквизициями у него продуктов сельского хозяйства и принудительными мобилизациями людского и конского состава, колеблется.

„Недовольство замечается, главным образом, в среде крестьянства наших центральных губерний, которое еще не испытало всех прелестей белогвардейщины, стремящейся возвратиться на свое старое пепелище.

„Это недовольство в некоторых местах проявляется в виде открытых восстаний, соответственно подготовленных и организованных. Обычно эти восстания возглавляются либо представителями партии эсеров, либо бывщими офицерами, кулаками и попами. Основную массу боевого материала составляет преимущественно бессознательная часть крестьянской молодежи, введенная в заблуждение и поэтому дезертирующая из армий, или совершенно не являвшаяся туда по призывам. Эта часть молодежи после первых организованных восстаний и, благодаря постоянному пребыванию в лесах, окрещена „Зеленой армией".

„Нужно перекрасить эту лесную армию в красный цвет и дать ее фронту—вот задание ЦК, вот первоочередная наша задача сегодняшнего дня.

„Вторая—мобилизовать коммунистов процентов 25 и срочно направить на фронт; выполним эту задачу мы.

„Пополнения уже идут: Красный Питер отправляет на южфронт тысячу коммунистов. Мы вчера отправили туда же третью группу, в двести пятьдесят коммунистов-бойцов.

„Владимир дал пятьдесят процентов всех коммунистов и сочувствующих и двадцать пять процентов—членов профсоюзов.

„Вологодский горком—весь в полном составе двинулся на Деникина.

„Дали коммунистов также южфронту Рыбинск, Витебск, Петрозаводск, Егорьевск, Тверь, Нижний-Новгород, Великие Луки, Новгород, Бронницы. Из целого ряда городов идут вести о мобилизации коммунистов. Раз‘яренному врагу, исступленно вопящему „боже, царя храни“, противопоставим нашу могучую мощь.

„Сейчас самый благоприятный момент для разгрома русской контрреволюции, и революция должна ее разгромить и разгромит“.

— Ну вот это для тебя, чтоб не скучал ты,—оторвавшись от телефонограммы, бросил Егозарианцу Миньков.

* * *

На следующее утро райкомцы уездов принимали меры. Мобилизовали бойцов-коммунистов. Сколачивали наспех боевые отряды из профсоюзников и красноармейцев.

Бросили клич к дезертирам—блудным сынам революции:

„Есть еще время одуматься малодушным, мечтающим уйти от борьбы, бежавшим из красных рядов. Нет теперь места на земле, где бы они нашли покой. Всюду

идет борьба между трудовыми массами и буржуазно-помещичьей шайкой: под красными ль знаменами революции, под офицерскими ль шомполами, но приходится сражаться. Вечно скрываться в бегах невозможно. Раньше или позже придется стать в боевые ряды по одну или другую сторону баррикады. Так не лучше ли уж встать в трудовые ряды? Будет сохранено честное имя, будет оказана помощь семье.

„Иначе—позор и проклятье от всех, чьи мужья и братья дерутся на фронтах за общее дело. Иначе—лишенья семье, презираемой всеми, семье дезертира.

„Иначе—позорная смерть.

„Последний срок дает дезертирам рабоче-крестьянская власть. Несколько дней для того, чтоб дать возможность им вернуться и смыть с себя пятно позора.

„Кто в эти дни не вернется, тот—Каин, убивающий ударом в спину своего утомленного брата.

„Кто не вернется, тот—Иуда, предающий великое дело избавления трудового человечества от ига эксплоататоров.

„Новый день загорается над миром. Встают народы под алым заревом восходящего солнца свободы. Скоро начнется новая жизнь.

„Вечная слава осенит борцов новой жизни.

„Вечным позором будут покрыты имена бесславно расстрелянных дезертиров-трусов“.

* * *

Деревня по-своему разбиралась в происходящем, в особенности ее кулацкая и зажиточная часть.

Внешними делами мало интересовалась она. Интерес ее в первую очередь ограничивался внутренними делами.

Вот реквизиционный отряд рассыпался по деревне. чтобы выполнить задание комиссара:

„...Причитается с деревни N-ской по разверстке: овец— пять, коров—пятнадцать, телят—десять и т. д.

„...Взыскать полагающееся с данной деревни—не позднее 25-го сего месяца. Беднота и семьи красноармейцев освобождаются от реквизиций".

Ударил набат.

Созван сход.

Комиссар отряда, окруженный пятком красноармейцев и бурлящей криками и говорами толпой крестьян, держит речь.

„...Вы спрашиваете всегда: чего мы хотим?

„Хотим мы вечного мира. Хотим, чтобы мир царил не только у нас, но и всюду.

„Хотим, чтобы в нашей стране кончились все виды разрухи. Хотим свободного, светлого труда. Но спросите: кто же мешает нам? Война. Нам нужно прежде всего победить ее. Для этого надо стать сильными. Так, чтобы наш грозный оклик: „не тронь"! остановил бы всякого, кто посягнет на наш и чей бы то ни было мир!

„Но на голодное брюхо не крикнешь: „не тронь"! Армии нашей хлеб нужен, скот, нужны и самые настоящие люди"...

Общим гулом оборвала комиссарову речь и забросала ее стоголосыми криками крестьянская толпа.

— Чтоб вам... сдохнуть, проклятые!

— Жрите... придет время, подавитесь!..

— Знали б, сами съели... Зарезали бы да съели, чтобы вам не доставалось, грабителям!..

— Придет время, подождите... мы... вам!..

— Берут, берут и все мало проклятущим!..

На минуту утихли.

И вдруг вспыхнули вновь.

— На голодное брюхо не крикнешь „не тронь“!., Какую Америку открыл... не токмо не крикнешь, а и языка на своротишь—зна-аем—но мы то при чем? Вы затеяли... вы и кормите,—гудели одни.

— Армии нужен хлеб, нужен скот?. Ишь ты какой! А вот лепешки с полынью не хошь?—орали другие.

— Нужен хлеб? Нужен скот?.. с этого бы и начинал речь держать, а то приедут эти краснобаи, хлеб возьмут и скот, да еще и от работы отбивают...

Вдруг в толпе кто-то крикнул:

— Не дадим! Вот и все.

И деревня отозвалась:

— Правильно!.. Слушать больше не хотим!.. Мир не желает!

Долго волновалась бушующая мелкособственническая страсть. Долго надрывался комиссар, стараясь перекричать толпу.

— По всему миру сейчас несется сплошной стон. Голод шагает по земле. В городах голодают рабочие, а у вас в деревнях голодает беднота. Болезни, смерть идут следом за голодом. Утром, днем, вечером, ночью слышится везде один и тот же крик: „хлеба“. И вы, крестьяне, имеющие излишки, неужель не дадите хлеба? Неужель вы бессердечны?—так убеждал и задавал вопросы большевик-комиссар.

А подстрекаемая кулачьем, деревня кричала.

— Нет, не дадим. Нам самим нечего лопать!

— Вы нас обираете!

— Вы нас грабите ночью и днем, этого и при Николае мы не слыхивали, не видывали никогда!

— Но не цацкаться же, когда революция в опасности!—решительно заявил комиссар.—Когда крестьянин, сам того не понимая, накануне своей гибели не хочет поддержать кусочком хлеба своего брата-рабочего, своего же, быть может, сына, брата, отца, крестьянина одетого в шинель и бьющегося с врагами народа, на фронтах... Не дадите?.. Силой возьмем!

* * *

Проклятия посылала деревня вдогонку отряду, уходившему с подводами зерна и картофеля по направлению к волсовету.

А когда доходило до мобилизации людей—не лучше было.

— Подать на сборный пункт сынка?... За что?..

— Ни за что не дадим! Пусть в лес идет. Нечего ему делать у большевиков.

Пошла гулять деревня по лесам... То здесь, то там бродили „зеленые".

Но лучшая бедняцко-середняцкая часть деревни вместе с городом боролась с врагом.

Местами деревня правильно разбиралась, и лучшая часть ее брала верх над кулаками и спекулянтами. Местами, наоборот, кулаки и враги советской власти временно забирали деревню в свои руки.

Так это было в ряде мест. Так это было и в N-ском уезде, возле революционного центра—Москвы.

В одной из волостей шайке кулачья удалось сорганизоваться в волсовете.

Долго она держала в страхе все население волости, вызывая бурю негодования по отношению к власти вообще.

Но вот лопнуло терпение крестьян. Они составили заявление в уездный совет.

„...Под лозунгом трудовой коммуны при каждом совете стали организоваться коммунистические ячейки. Сила, цветущий рост и крепость этих ячеек зависят от идейности коммунистов, которые входят в их состав.

„Много мы встречали таких коммунаров. Но вот организовавшаяся у нас ячейка, в которую вошли негодные элементы, недостойные звания коммунистов, терроризуя нас, они тем самым подрывают авторитет партии и советской власти“...—так писали возмущенные крестьяне.

И далее: „вот биографии их и посылаемые при сем юридические данные, характеризующие их.

„Председатель волсовета—эксплоататор рабочих, имел в Петрограде мастерскую меховой промышленности, прибыл в деревню, когда случился переворот.

„Председатель земотдела—бывший акционер кондитерской фабрики Леонова в Москве.

„Начальник милиции—бывший уголовный преступник, который неоднократно был судим за грабежи и кражи.

„Военрук—бывший прапорщик, поступил в школу прапорщиков при Романове и окончил ее после мартовской революции при Керенском, который приготовил их ко дню Октябрьской революции для того, чтобы расстреливать крестьян и рабочих на улицах Москвы и Питера. Достаточно вспомнить дни Октября, чтобы все содеянное этими школами прапорщиков всплыло наружу. Сколько лежит товарищей под стенами Кремля? У нас найдутся командиры из крестьян и рабочих.

„Когда окреп в совете, то он охлопотал своего зятя, бывшего писаря в этой волости при Романове. Чтоб

устроить его, он без вины уволил служившего на этой должности сына крестьянина-бедняка.

„Председатель отдела продовольствия уличен в присвоении обуви, которая была прислана для раздачи крестьянам в кооперативы селений: Ш—на, Ж—на и В—ва.

„Вся эта теплая компания прикрылась флагом коммуны, расшатывает устои советской власти и этим подрывает авторитет, чтоб в нужный момент для них, и грозный час для Советской России, схватить и задушить революцию“.

Отослали в уездный центр это послание и ждали: что скажет вышестоящая власть?

* * *

Лучшая бедняцко-середняцкая часть деревни дружно шла на фронт.

Бронницкий уезд наиболее показателен в этом отношении как крестьянский уезд. Он сформировал конный отряд, в котором 40% было крестьян. Этот отряд, прискакавший на фронт, показал себя таким стойким и сплоченным, что командир полка выразил за него благодарность Московскому и Бронницкому ревкомам в таких словах:

„Присланный вами эскадрон влился на пополнение вверенного мне полка; эскадрон считается лучшим в полку, а посему приношу вам искреннюю, сердечную благодарность за присланных товарищей.

„Своею боевою подготовкой, духом красноармейцев, дисциплиной и знанием своего дела командного состава,—эскадрон вполне оправдывает возложенные на него пролетариатом и трудовым крестьянством великие

надежды. За все время пребывания эскадрона во вверенном мне полку мною ничего противного уставам и законам РСФСР за товарищами вашего эскадрона замечено не было,—наоборот, каждый старается поддерживать в более тяжелую минуту другого, что указывает на их хорошие товарищеские отношения.

„Тов. Г. Павлов [1]) и весь остальной комсостав эскадрона более, чем на своих местах...“ и т. д. И в заключение: „Еще раз сердечно благодарю и приношу глубокое товарищеское спасибо за присланных товарищей.

„Прошу от имени нашей дорогой Красной кавказской Дикой дивизии по возможности больше присылать таких товарищей.

„Тогда мы еще смелее можем крикнуть: „Час мщения пробил! Вперед за освобождение пролетариата и трудового крестьянства! Жить свободно или умереть в борьбе“.

* * *

В других местах Московской губернии в это время зашевелились эсеры.

Нет-нет, да и „постращают“ коммунаров анонимкой. Пустят ложный слух, клевету какую-нибудь. Погрозят террором.

Вынужденные реквизиции, замена добровольчества принудительными мобилизациями и другие революционные меры Советского правительства—служили для эсеров предлогом, чтобы сеять смуту в среде крестьянства.

Так, тиною контрреволюционной грязи временами засаривалось движение революционного потока. Каза-

---

[1]) Г. Павлов—работает сейчас на фабрике „Красное знамя“ в Раменском.

лось, вот-вот он остановится. Вот-вот повернут его вспять. Враги будоражили крестьянские массы.

Кулак и поп, эсер, белогвардеец,—все изливали свою злобу на советы и на коммунистов.

— Комиссар терроризует вас?—с ехидством спрашивает какой-нибудь белогвардеец у крестьянина и шепчет на ухо:—не комиссар один это делает, а „коммуния“ щелкает вас, вот кто!

— Кулаки засели в советах?—хихикая выпытывает у крестьянина кулак, и отвечает:—то не кулаки, то комиссары вместе с жидами поедом вас едят...

Так было в те трудные дни.

В „ДЕСЯТУЮ ПЯТНИЦУ“

Юрьевские крестьяне [1]) готовились к своему престольному празднику—„десятая пятница“.

Еще задолго до него они заваривали солод с медом и хмелем, заставляли печи опарными банками с темно-коричневой влагой, оставляли ее созревать до „кануна“.

Иные бросали покос, шли в город, чтобы на торгующей из-под полы „Сухаревке“ запастись денатуратом, самогоном, обновой, мылом, солью, селедками и прочей снедью... Возвратившись из города, отцеживали синеватую муть денатурата, каждый по своему способу, а затем прятали ядовитую „драгоценность“ где-либо в недалеке: в овине, омшаннике и в других укромных местах.

Дня за два свежевали овец и баранов, готовили дрова своим хозяйкам. Те, кто заглядывал вперед, в послепраздничную жизнь, подкашивали усадьбы, готовя их

[1]) Крестьяне деревни Юрьевки, Вороновской волости, Подольского уезда, Московской губ.

к сушке сена с общественных лугов, мастерили кресла к телегам, точили и отбивали косы, чинили грабли—готовились к большому сенокосу.

Готовилась к настоящему празднику и бабья часть Юрьевок.

Словно по команде, в каждой избенке, около изб, в сенцах, тискали бабьи руки в корытах белье, обильно поливая его щелоком взамен недостающего мыла; по венцам, потолкам, полам и дверям почти каждой избенки елозили бабы, вооруженные мочалом, смоченным в помылках; жидким мелом обеляли печи. Захватив кошелки с овечьими и бараньими буторами, уходили на воду очищать от крови и навоза все эти окровавленные внутренности и, возвратившись, густо солили их, несмотря на соляной голод, и убирали на погребицы и в клети до праздника; шили обновы ребятишкам из оставшегося в укладках хламья.

Красноармейцы деревни Юрьевки из близ находившихся частей войск, размещенных в столице или уездном городе, брали „увольнительные" и спешили на праздник в свою деревню. А те, кто не смог получить отпуск, уходили без спроса, шли по дорогам, пробирались „зайцами" по машине.

Как волки, крались к жилью „зеленые", оставляя на время свои овраги и перелески, чуя праздничную поживу и намереваясь быть на празднике в деревне, подходили к Вахлюеву—своему главарю и просились: „Так мол и так, братишка Кутыркин (так еще называли Вахлюева [1]), надо бы побывать на празднике?".

---

[1]) Вахлюев, по прозвищу Кутыркин, исключенный из коммунической партии, как бывший офицер, установил связь с партией эсеров и стал во главе „зеленых"; в Подольском и Наро-Фоминском уездах.

Кутыркин отвечал:

— Братишки! Я собственно, не прочь, но ежели уж пойдете, то гляди в оба... идите, но не забывайтесь. Есть слухи, что будут облавы... попадетесь—расстрел, не то тюрьма. Знайте, держите себя на-чеку, а если чуть што... так дёру, да к нам—мы поддержим. Будет дома пожитуха—захватывайте что с собой, а главное о „самодуре“ не забывайте, да гармонь прихватите.

...Тех, кто приедет на праздник из молодежи, тащите к нам в гости... След приглянуть и за комиссарами нашими, не затевают ли они чего. А Ванятку из Комдеза встретите, сказывайте потихоньку: „Коль попадется—быть ему на осине, негодяю“... Да вот что, к бабе моей зайдите, пусть тоже гостинца шлет, да и сама приходит...

Шестеро были из Юрьевки, седьмой сам Вахлюй. И все шестеро в один голос отвечали Кутыркину:

— Сделаем как наказываешь... Не сумлевайся...прощай!

— Самоплясу прихватите... и... ей... не забывай...— неслись среди леса последние напутственные слова.

* * *

Где-то вдали и наверное у „престола“ зазвонили на колокольне.

— Бом! бом! бом!..

Оставшиеся среди леса собирали хворост. Было их около сотни. Были тут и Вороновские, и Семенковские, и Безобразовские, и Косовские, и Львовские, и Мочинские, и Бавинские, и Голохвастовские, и Михалевские, и Илевлевские, и Ясеновские, и Сахаровские [1]).

---

[1]) Все перечисленные деревни Вороновской волости, Подольского уезда, Московской губ.

Но несмотря на свою многочисленность, в шутку называли же они себя — по счету деревень — „чортовой дюжиной“.

Некоторые из них, заслышав звон колокола, останавливались и, глядя задумчиво вдаль, крестились. Некоторые же просто замечали: „Ко всенощной звонют“... А некоторые, сдерживая внутреннюю грусть, молча глядели в землю и с ожесточением похрустывали попадающимся валежником.

Кутыркин разжигал костер. Его коренастая фигура при звуке колокола замерла на минутку и опустилась на трухлявый пень. Огонь чиркнутой спички лизнул сухую сосновую хвою, и та вспыхнула с треском, рассыпая искры и смолистый желтоватый дым. Вахлюй загляделся на ползущую змейку огня, пробиравшуюся по веткам костра и, опустив голову на ладонь левой руки, предался размышлениям... Где-то стрекотали кузнечики...

„Да, — вдруг проговорил он, — время идет... девятнадцатое не за горами — а готов ли я? Готова ли моя „зеленая“ ватага к выступлению?... В Наро-Фоминском, Бронницком, Дмитровском, Можайском, Клинском уездах уже все готово... „Зеленое“ кольцо вокруг Москвы крепнет... Дело за мной. — А у меня? Оружие? — Пятнадцать винтовок... — Пулеметы? — Ни одного... — А сама братва? — Надежных десятка три, не больше...

...Что скажет партия [1]) мне за мою медлительность? — Что будет если я оставлю в этом кольце отверстие?...“

Вдруг где-то рядом залихватски хватил сиповатый баритон:

---

[1]) Партия эсеров.

Иех, яблочко, ды куды котисся
В комдез попадешь, не воротисся...

Кутыркин поднял голову и увидал шедшего к нему парня, нагруженного хворостом.

— Это ты?

— Я...

— А люди?

— Щас йдут... хворост собирают. А Илюшин и Варварин картошку воровать пошли.

— Вот что, Кашкин!—садясь вновь на пень и подкладывая хворост в костер, обратился Кутыркин к пришедшему.

— Что, Вахлюй?

— Как ты думаешь, ежели сцапают нас—что будет?

— Кому как... А нас—к стенке... А ты што?..—Ай надумал чего?

— Д-нет,—так... Знаешь, брат, уж больно туго идет у нас наша организация: прикинул я по пальцам все это...

— И што же?

— Плохо...

— А, брось, куда ни шло, кривая вывезет... Вон сегодня-то в газетах, к Туле ишь подходят, а завтра, глядишь, и дальше пойдут... А мы тут как тут, в самое комиссарское сердце и ахнем. Чик!.. И вот-те скажут, зеленоармейцы!..—А там глядишь—и награда. Тут сила штоль нужна? Не-ет!.. Все герои-то на фронте, а тут, да и в Москве то же,—он при этом махнул рукой,—одни трусы... пни ногой, и рассыпятся... Одно, правда, плохо; „нарезных“ маловато у нас—это справедливо... Ну и это не беда! Дробовики соберем, вилы, топоры в ход пустим... А сила—лиха беда начать!..—

Ты думаешь, мужики не поддержат?.. Видал, как продком обирал их, помнишь? Реквизиции как проходили? Ну, чего тебе говорить! Я завсегда думал, когда эти реквизиции проходили: взять да позвонить в колокол общественный да потревожней эдак, а сбежались бы—крикнуть: „Бей, робя, всю эту грабиловку!“ И што бы было!..—Кашкин не договорил.

— Все это так,—перебил его Кутыркин.—Я не об этом,—я о другом! Ты знаешь, по всем уездам готовы уже к выступлениям, а мы еще не совсем.—Вот о чем. Нужно нам пошевеливаться... Девятнадцатое на носу...

— А чего пошевеливаться-то?

— Как чего?

— Нужно прогуляться по деревням и собрать тех, кто еще не у нас—это раз. Обобрать дробовики, о которых говорил ты,—два. Мужиков поднакачать—три... А как у нас с самоохраной?

— Не сумлевайся. Заставы стоят: одна у Михалева, другая у Юрьевки, третья у Воронова, будь покоен, никто не проберется. А потом ежели што—небойсь прибегут из деревень и скажут.

В стороне послышались голоса. Кутыркин и Кашкин насторожились.

— Ну вот што, идут... Давай прекратим разговоры.

— А-а, наше вам! А мы—где они, где они?—а они вон с огоньком ба́луются,—кричали, подходя, трое.

— Здесь,—буркнул Кашкин.—А картошка где же?

— Пошли за водой, щас небось придут.

Десяток людских глоток где-то вдалеке, тревожа тишь леса, разноголосили песнь о Чуркине, ее сменил хруст лесного сушняка, шишек и затем говор: „Ишь куда ушли“...

— Подальше—оно лучше.

— Барабули! Белуги! Кому?—гогоча и крича вынырнули из-за кустов Илюшин и Варварин с вещевиками через плечи и запели:

Вы-ш-ли мы все из ва-го-о-на
Кар-тошку обобрали у нас.
Вот вам союз и своб-о-да,
Вот и советская власть.

И все собравшиеся разом дружно подхватили:

Вот вам союз и свобода
Вот и советская власть!..

— Отставить!—крикнул Вахлюй.

Все смолкли.

— Даешь „белугу“ сюда!

Барабанили котелки, встревоженные посыпавшейся картошкой, захлебывались водою и хлюпали, постепенно стихая; втискивали их Вахлюевы руки, словно в наказание, в раскаленное пекло костра, шипевшее, как разъяренная кошка, от расплесканной воды.

— А теперь вот что, братва, садись кучней и слушай,—оторвавшись на секунду от костра, как-то ядовито сквозь зубы прошипел Вахлюй.

Все сдвинулись и сбились в кучу, и он начал говорить:

— Завтра у нас праздник. Юрьевских я отпустил. Много ребят приедет из Москвы и города. Нужно нам каждому свидеться с ними и сказать: „братики, мол, довольно послужили вы антихристам, пора, мол, и честь знать, к нам в гости приходить, да не с пустыми перстами, а с винтовками, шашками—кто чем богат“.— Дело ли говорю я или нет?

— Дело! Правильно, Вахлюй, говоришь! — кричали люди.

— Так вот,—продолжал он,—ежели правильно, то сейчас же всяк себе и наметь, куда он и в какую деревуху пойдет и кому передаст то, о чем я толкую... Но это еще не все. Дальше: у кого у нас по округе дробовики есть?

Молчание.

— Не знаете?

— Кое у кого есть...

Так вот: о дробовиках поразнюхать надобно да мне и представить.

— Будет сделано, о чем речь.

— Надобно еще и с мужиками поговорить, а говорить вот што: Деникин уже взял Тулу. Везде бунты. Нас уже целая сила собралась и вскоре, мол, пойдем на Москву большевиков бить и вешать... И последнее это то: где облаву встретите,—мигом сюда в лес и ко мне,—я здесь буду и еще десятка два людей со мною должны быть на-чеку. Мы тогда, ежели облава небольшая, справимся с нею. Понятно?

— Еще бы!

Все! А теперь,—кто куда и кто во што горазд, сыпь, братва!..

* * *

Солнце палило немилосердно людей, собравшихся на мирское молебствие.

Люди тут были разные и по полу и по возрасту: старики и детвора, мужики и бабы. Столпились ониу места, где всегда происходили молебны, у накрытого белой скатертью стола с фаянсовой узорной миской, и ждали попа.

Вдруг кто-то крикнул:

— Батюшка!

Все расступились.

Поп важно пробирался по узкому коридору людей, а добравшись до стола, крякнул и стал облачаться, надел ризу и все что положено по молебствию и начал обычным басом:

— „Благословен бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков“!

Дьячок в ответ подпевал свое:

— „Бог гос-сподь явися нам. Благословен грядый во имя господне!“

И вдруг, когда молебен подходил уже к концу, когда поп провозгласил здравицу всем предержащим властям и доблестному российскому христолюбивому воинству, епископу и всем православным христианам, заканчивая ее многолетием,—молебствие омрачилось: с обеих концов Юрьевки вскочили верховые с красными звездами во лбах. Увидав молебствие, верховые замерли на лошадях на месте.

— Проклятые, и в праздник не дадут покоя!—проговорил один из молебствующих.

Все глянули на красноармейцев и стали расходиться по домам.

Часть молодежи из беглых, смешавшись со стариками, жались к овинам и оттуда, исполняя наказ Кутыркина, задавали дёру в леса, чтоб сообщить об облаве. Часть же пробиралась к домам.

Военные проскочили деревню и остановились у комиссаровой избы, задержав по дороге четырех из юрьевской молодежи.

* * *

После молебна пили юрьевские мужики денатурат и самогон, закусывая селедками и бараньим студнем. Укрыв-

шиеся от облавы вахлюевские молодцы разжигали охмелевших мужиков своими разговорами, проклинали власть за разверстку, за то, что вольной торговли нет, за нехватку „одежи“ и „обужи“, вспоминали и о том, как ездили за мукой вдаль.

— И все с мужика: то дай хлеб, то сена, то скотину подай... И все лишки находют.—А какие тут лишки, когда сами чуть не с Рождества вдаль за хлебом ездили?..

— А езда? Разве это езда?—Это на смерть едешь—со всеми родными прощаешься, ни то приедешь, ни то нет.

— Чего уж там,—соли и той нет... где это было видано, а, штоб яблоковый лист пили,—а? Говорят, как белые заступят, так вольную торговлю дадут и все склады откроют, авось уж более не будем ездить вдаль-то, а то за хлебом поезжай в Самару, за солью в Москву. Тьфу ты, трижды будь проклято, невидаль какая.

— Ежели б власть-то подходящая, разе парня бы ты не послал свово? А то вон он здоровый, а в дезертирах ходит. Кому охота голову подставлять не знамо за што. На войне смерть от пули, дома—от голоду: уж лучше с родными помирать...

Так говорили с возмущением, перебивая друг друга, вахлюевские парни.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу!—трижды сплевывали, хмелея, сагитированные мужики и свирепели, злобно посматривая из окна туда, откуда так неожиданно появились встревожившие их незваные гости, и на комиссарову избу, где остановились они.

— Мы им щас пропишем ижицу,—успокаивали мужиков дезертиры.

* * *

Лес шумел, негодуя на ветер за нарушенный покой. Слетали листья.

Кутыркин с двумя десятками людей слушал гнев леса. Вдруг, заглушая и лесные шумы, и завывание ветра, и говор, прорезало воздух резкое:

„Ау!... А—у! Ау, Вахлюй! Где ты? Эй! Вахлюй!“

Кутыркин вскочил и схватился за наган, торчавший у него за поясом. Вскочили и люди, взялись за винтовки.

Кутыркин свистнул в ответ на ауканье.

Запыхавшись прибежал юрьевский разведчик Варварин.

— Скорей, скорей! наших забрали...

— Кто забрал?

— Красноармейцы... Был молебен... Вдруг въезжает пяток красных с обоих концов.

— Ну?

— Проскочили деревню, а на пути сцапали четырех. только не знаю—кого. Сейчас у комиссара сидят... Давай выручать.

— Вооруженные они?.

— С карабинами, а у старшего наган.

Ладно,—скрипнув зубами, проговорил Кутыркин и решительно скомандовал:

— А ну, братва! Заряди винтовки! За мной!...

МОБИЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИЛ

15 июня секретарь Игнатовской ячейки Дивин донес уездвоенкому Наро-Фоминского уезда[1]):

---

[1]) Уездвоенкомом был В. А. Жихарев. Умер от тифа в 1920 г., заболев на юго-восточном фронте.

„В районе Рудневской волости бывшими офицерами, братьями Герике, организуются банды дезертиров, ставящие себе целью вооруженное восстание против советской власти и уничтожение коммунистов“.

Уездвоенком, получивши эту весть и посоветовавшись со мною, как своим помощником по гарнизону,

Накануне восстания

Красноармейцы Наро-Фоминской карроты на субботнике по вскопке огорода

решил в Рудневскую волость послать небольшой отряд.

Поехать туда он приказал мне.

Захватив пятнадцать красноармейцев, я двинулся по назначению.

Однако, не успел я выйти из имения б. князя Щербатова, где помещался военкомат, как вдруг был остановлен запыхавшимся вестовым.

— Военком приказал повернуть отряд вспять!—крикнул прибежавший.

Я возвратился,

— Неприятную новость получил,—заявил мне Жихарев.

— Новее той, что уж получили от Дивина?

— Новей. На, читай!

Прочел.

„В Вороновской волости Подольского уезда, соприкасающегося территориально с вашим уездом, — восстание.

„Дезертиры во главе с б. военруком и б. членом нашей партии Кутыркиным ворвались в волсовет. Убили всех коммунистов. Сожгли совет и разогнали сельсоветы.

„Приказываю вам немедленно выступить по направлению Вороновской волости. Отрезать путь отступления дезертирам, а войдя с ними в соприкосновение, уничтожить их.

„С своей стороны высылаю отряд с артиллерией и пулеметами, который направлен через Подольск по маршруту: Подольское шоссе—Вороново.

„Подписал губвоенком Москвы и Моск. губ.

М. Миньков“.

Быстро пробежав это телеграфное сообщение, мы решили поставить в известность райком, куда и направились.

С членами райкома, Чихачевым, Пяткиным и Лапинковым (пропал без вести на южфронте) обсудили положение. Объявили срочный сбор отряда особого назначения, который решено было направить на борьбу с восставшими в Подольском уезде.

Собрались все способные носить оружие коммунары (около ста человек) и, вооружившись наскоро, двинулись в путь.

Возглавил отряд уездвоенком, оставив меня в городе вместо себя.

* * *

В городе почти не оставалось коммунистов.

Красноармейцы караульной роты в большинстве своем были размещены, как и всегда, по постам. Отдыхали в казарме лишь смены для них.

Спустя часа два после ухода отряда прискакал верховой с первым сообщением от Жихарева.

„Мой отряд около с. Руднева вступил в перестрелку с бандами „зеленых“.

„Для того чтобы, не задерживаясь, мне можно было бы двинуться дальше по прямому моему назначению, прошу выслать дополнительно отряд, который занялся бы исключительно борьбою с дезертирами нашего уезда. Жихарев“.

Я мобилизовал часть сотрудников военкомата и часть красноармейцев, снявши их с маловажных постов, и создал нечто вроде отряда; под руководством беспартийного, но надежного малого, военрука тов. Алексеева, двинул его в путь на грузовике, взятом с фабрики.

* * *

До глубокой ночи не получалось никаких сведений о деятельности и о судьбе как первого, так и второго отрядов. Тогда было решено бросить на разведку двух конных.

Верховые отправились.

Вскоре после отъезда их—из казармы рабочих новости:

„На фабрике что-то на утро затевается нехорошее. В одном из отделений фабрики выброшен флаг с надписью: „Да здравствует Михаил Александрович“. Новости эти принесли коммунистки Смирнова и Колоколова.

Положение становилось все более тревожным. Посоветовались мы тут, что предпринять, и договорились: быть всем оставшимся коммунарам на-чеку, а на утро собраться у меня.

Никто не знал, что будет утром. Гранаты какие были, на всякий случай я перетащил наверх, к себе в красноармейский клуб.

* * *

Посланные на разведку привезли радость: сообщение как от первого, так и второго отрядов.

Первый доносил: „Достигли Вороновской волости. Ведем перестрелку по „Масловскому лесу“. Положение не внушает опасений“.

Второй: „До сего времени на пути ни одного выстрела. Заночуем там, где застанет ночь. Утром донесу“.

Но, кроме этих сообщений, в конверте оказался жуткий документ, с припиской Жихарева:

„Почитай и поразмысли. А в общем... „Бытие деревни определяет ее сознание“.

Это был протокол осмотра.

„1919 г. июня 20-го дня, я, председатель уголовно-следственной комиссии М., сего числа, совместно с судебным врачем Д. и нижеследующими понятыми..., произ-

вели осмотр трупов убитых при восстании дезертиров в Вороновской волости.

„Трупы лежат на спине, обугленные, на полу в одной из комнат деревенской избы. Обуглены до неузнаваемости.

„Заключение. Основываясь на отсутствии каких бы то ни было данных наружного осмотра, за исключением обнаружения действия огня, и учитывая обстоятельства случая, можно заключить, что смерть произошла от умышленного убийства злоумышленников и скрыта огнем, который, обуглив трупы, не дал возможности констатировать подлинные причины смерти вышеуказанных товарищей. Судебный врач (подпись). Секретарь (подпись)".

Этот скорбный документ свидетельствовал о зверском насилии над коммунистами. Защемило в груди. Обожгло сознание и болью и классовой ненавистью... На утро еще более жутко стало от прочитанного документа.

Но вот взгляд упал на газету „Правда", кем-то положенную около, на столе. Привлек своим крупным заголовком призыв: „Вниманию членов партии".

Я знал, что под ним я найду ответ на свои тревоги. Впиваясь глазами в каждую строчку, я прочел:

„...Мысли рабочих масс взбудоражены разрухой и продовольственным кризисом. В такие дни люди напряженно ищут выхода и склонны пробовать новые пути, кажущиеся им более легкими и достигающими цели.

„В такие дни особенно нужна выдержка, самообладание передовых слоев пролетариата, обязанных удержать массы от опасных неверных шагов. Нужна неустанная работа в массах, постоянная связь между центром и периферией.

„Между тем, все ли члены партии помнят свои партийные обязанности?

„Нет, не все!..

„Вырабатывалось какое-то убийственное хладнокровие, профессиональный „стоицизм“.

„Эти товарищи напоминают невозмутимость Архимеда, занятого вычерчиванием кругов и совершенно беззаботного на счет самообороны, когда на него нападает смертельный враг.

„Кругом нас бушует стихия контрреволюционной борьбы, проявляющейся в различных формах. Бывшие министры, адвокаты без практики, журналисты без газет шныряют по заводам, поставив себе целью „свалить советы, хотя бы ценою голода“.

„...Мы еще далеко не вступили в такую полосу мирной органической работы, чтобы позволительна была роскошь строгого разделения труда: „я советский работник“, а ты „партийный профессионал“.

„...Встряхнитесь, товарищи, члены партии! Не увлекайтесь так рано достижениями государственного строительства, когда на улицах еще гремит борьба!

„Вчера в Саратове гремели орудия по совету. Советским архимедам из комиссариатов пришлось бросить перья и отношения и взяться за оружие, чтобы в пороховом дыму померяться силами с контрреволюцией.

„Сегодня в Пензе, Сызрани, Златоусте гремит борьба с бандами чехо-словаков. И здесь товарищи („архимеды“) отрываются от полезной и нужной государственной работы для непосредственного участия в боевой схватке. Ибо если победят черносотенные, правоэсеровские, чехо-словацкие банды, то всем комиссариатам все равно крышка.

„Сегодня в Питере меньшевики подбивают массы на забастовку, хотя и сами побаиваются ее последствий. Будучи специалистами по части сеяния паники, меньшевистские агитаторы ухитряются наговорить таких небылиц, что рабочие только рты разевают, а

Группа большевиков Наро-Фоминской организации в 1919 году. Среди нее райкомцы—1) Чихачев, 2) Жихарев, 3) Войцекян, 4) Пяткин, 5) Смирнова.

опровергнуть почти некому, так как все наиболее развитые и осведомленные члены партии—большевики выбраны во всякие коллегии да комиссии и на собраниях не бывают. Этим и пользуются их враги.

„...Естественно, что в такой обстановке соглашатели и резолюции об учредилке ловко протаскивают и погромную агитацию безнаказанно ведут.

„Пора, пора встряхнуться!..

„...Вопрос о мобилизации партийных сил выдвигается на очередь совершенно неотложно“.

В цель били горячие слова этой статьи, будили, призывали.

Я подумал: не будь спячки в наших рядах, не погибли бы бесславно такие славные борцы, как те, о которых сообщал Жихарев и судебно-следственный акт. Не погибли бы десятки лучших представителей рабочего класса и трудового крестьянства.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. П. НОГИНА

На утро фабричный гудок б. фабрики Цинделя [1]) загудел во-время, но рабочие, против обыкновения, пошли не на фабрику, а к трибуне, устроенной на площади против фабричных ворот у магазина, собираясь в многотысячную толпу, о чем мне по телефону немедленно донес из заводоуправления К.....в, которого мы считали меньшевиком. Этот человек сообщил о забастовке рабочих и высказал свои опасения: рабочие, мол, настолько озлоблены, что не сдобровать и заводоуправленцам и вам (т.-е. коммунарам).

Что рабочие, на почве голода, были озлоблены, об этом мы знали. Мы знали также и то, что этим пользуются меньшевики и все враги советов с целью провоцирования рабочих на контрреволюционные выступления; в этом отношении мы имели опыт: например. 2 апреля рабочие, подстрекаемые этой сворой, разгромили уисполком. избили нашего коммуниста, заве-

---

[1]) В Наро-Фоминске.

дывающего Отделом общего управления, Д. Воронова [1]), и только присланные несколько красноармейцев, под командой П. Лебедева, спасли учреждения от разгрома.

Но в апреле было иное положение: не было еще такого обострения на фронтах, меньше было и дезертиров; да и наши товарищи, коммунисты, были все на своих местах. В апреле меньшевистской своре дан был дружный отпор. А вот сейчас почти все коммунисты уехали в Подольский уезд. Что делать?

А меж тем мне, как начальнику гарнизона, звонили по телефону и сообщали с фабрики тревожные вести:

„Вот вытащили из заводоуправления К... и заставили его говорить с трибуны о положении на фабрике с сырьем и топливом“.

„Вот какой-то кооперативный работник схвачен за фалды и установлен на трибуну для объяснения положения с продовольствием“.

„Вот меньшевики с пеною у рта проклинают большевиков“.

„Вот выкинуты лозунги меншевистские и монархические“.

Всего не перечтешь, что говорилось по телефону в то время о положении дел на забастовавшей фабрике.

Но кто бы ни звонил и что бы ни передавал, всякий требовал помощи и принятия каких-либо мер, словно я один был в состоянии что-нибудь сделать.

Не показывая своей беспомощности, однако, я отвечал, что сейчас-де будут приняты меры.

Решил сам пойти и посмотреть, насколько серьезно положение на фабрике.

---

[1]) Д. Воронов—член нашей партии. Умер от чахотки в 1922 году.

* * *

Еще издалека из толпы доносились выкрики меньшевиков; я смешался с толпой, чтобы пробраться к трибуне, но чуть не был растерзан, так как некоторые из хулиганов, увидев меня, стали кричать: „Бей проклятого латыша, чужеземца!“ Видя, что дело плохо, я засунул руку в карман и остановился. Мой жест некоторые заметили и, очевидно боясь, что я буду стрелять, шарахнулись в сторону. Задние напирали. Я благополучно выбрался из этой людской толчеи и преспокойно, не обращая внимания на действия порывавшихся меня ударить, направился к военкомату. Там я встретил несколько человек коммунистов, оставшихся в городе и теперь собравшихся у меня. Все понимали, что положение серьезно. Мы начали совещаться, что же нам делать.

Наконец решили звонить в Москву. В ответ тов. Миньков сообщил, что к нам на фабрику экстренно выехали представители ЦК, а для борьбы с дезертирством выслан отряд.

Получивши эту весть, мы облегченно вздохнули.

* * *

Через несколько времени со станции нам позвонили о том, что отряд прибыл. Я пошел встретить. Прихожу на станцию и вдруг вижу—вместе с красноармейцами выходит на платформу В. П. Ногин и начальник московской губмилиции Дубровин. Радости не было конца. Поздоровались. Москвичи начали засыпать вопросами: „Что, да как? Да почему?“ И т. д., и т. д. Я осветил положение вещей, после чего мы направились в воен-

комат, где тут же создали ревком: председателем его был избран я, в него вошли: В. П. Ногин, Дубровин и начальник отряда, прибывший из Москвы.

Этот ревком мы назвали „Реввоенсоветом". Под этим именем ревком существовал недели полторы. Все сообщения в Москву посылались от имени „Реввоенсовета" (техническим секретарем ревкома был Глазунов Иван).

Фабрика б. Цинделя в Наро-Фоминске (центральная часть).

Не успели мы создать ревком, как вернулись из Подольска А. Д. Чихачев и Панфилов. Их также включили в ревком.

На первом заседании ревкома В. П. Ногин внес предложение о немедленном командировании к возмущенным рабочим его, как представителя ЦК, Чихачева, которого масса знала и любила, и меня, как начальника гарнизона и предревкома. Кроме того, им же было предложено арестовать в качестве заложников всю местную буржуазию. Мы отправились к рабочим.

Под отчаянные крики, проклятия, ругань и угрозы кулаками мы пробрались к трибуне. Покойный В. П. Ногин один вошел на трибуну, на которой с пеной у рта „орал“ какой-то меньшевик.

Через 5 минут после того, как тов. Ногин обратился к рабочим с речью, мы уже видели перелом в настроении рабочих: угрозы и крики затихли,—рабочие стали внимательно слушать тов. Ногина, который доказывал преступность забастовки в такое время, когда республика окружена белогвардейщиной.

Два часа говорил В. П. Ногин, несмотря на свою усталость после бессонной ночи. Ему удалось сделать то, на что мы безусловно не могли рассчитывать. Только после его выступлений нам представилась возможность высказаться, рабочие выслушали всех, а потом преспокойно разошлись.

Трудно сказать, чем могла бы кончиться вся эта история, если бы тов. Ногин, имевший в глазах рабочих большой авторитет, не приехал в тот критический для нас момент.

Отряд же красноармейцев, прибывший из Москвы, отправился было на борьбу с дезертирством, но, достигнув Подольского уезда к моменту, когда там восстание было уже ликвидировано, погрузился и вернулся в Москву.

* * *

КОНЕЦ КУТЫРКИНА

„Масловский лес“ представлял собою хорошую защиту для дезертиров. Однако наш отряд основательно потревожил их.

А еще больше подействовали на дезертиров объявленные приказы штаба отрядов: в них указывалось на то, что дезертиры под влиянием агитации кулаков, белогвардейцев и эсеров введены в заблуждение.

„Кто такой Кутыркин, главарь ваш?—говорилось в одном из приказов.

„Бывший офицер, верно, что пес, служивший кровавому Николаю, примазавшийся однажды к партии, но благодаря своевременному разоблачению выкинутый из ее рядов.

„Результат его предательства налицо.

„Страдают ваши семьи. Страдаете вы. Так не лучше ли уничтожить этого предателя и раскаянными прийти к нам, кровным защитникам трудового крестьянства и рабочих?“

После этих приказов целыми группами по сотне человек стали являться дезертиры.

Кутыркин сидел в лесу, а ряды его соратников все редели. Шла перестрелка. Развязка близилась. Через несколько дней, на рассвете, у волостного совета, на кучке навоза лежал изувеченный труп предателя-Кутыркина, с запиской на груди:

„Здесь тебе и место, негодяй и авантюрист,—в навозе.

„Ты вовлек нас в столь тягчайшую авантюру, направленную против ничего плохого не сделавшей для нас, кроме хорошего, советской власти.

„Ты предавал нас вместе с эсерствующими и белогвардейцами, помещиками и буржуазией, пользуясь нашей темнотой.

„Ты опозорил нас и наши семьи перед всем трудовым миром именем труса „зеленоармейца“—дезертира.

. . .

„Так прими же от рук наших в „благодарность“ свинцовую пулю, которую даже жаль бросать в твое поганое предательское тело!“

Вороновская трагедия окончилась.

Трудовое крестьянство волости, уже тяготившееся дезертирами, наконец-то вздохнуло свободно.

ДОКЛАД ЖИХАРЕВА

Председателю ревкома Наро-Фоминского уезда т-щу Войцекян.

Рапорт—

„Доношу, что восстание в Вороновской волости Подольского уезда ликвидировано и локализирована организация „зеленых“ и в нашем[1]) уезде. Началось Вороновское восстание при следующих обстоятельствах: 15 июня после молебна в село Юрьевку прибыл отряд по борьбе с дезертирством в количестве пяти человек. Арестовав четырех дезертиров, отряд остановился у сельского комиссара, намереваясь отсюда начать производство облавы.

„Вдруг из Масловского леса показался вооруженный отряд дезертиров человек в двадцать пять, во главе которого шел главарь „зеленых“ эсер Кутыркин.

„Отряду красноармейцев сообщили об этом, и он, чувствуя свою малочисленность, снялся и ускакал по направлению к Подольску. „Зеленые“ было погнались за ними, дали залп по ним, но тщетно—верховые ускакали, оставив задержанных ими вначале дезертиров.

„К пришедшим в село „зеленым“ с Кутыркиным во главе быстро стали сбегаться дезертиры из других близ-

---

[1]) Наро-Фоминском уезде, Моск. губ.

лежащих деревень; последние накануне этого дня ушли из леса по деревням для сбора оружия и ведения агитации среди крестьян. Крестьяне деревни Юрьевки были под хмелем в связи с их престольным праздником „десятая пятница“, подстрекаемые дезертирами, и в особенности их главарем, восстали и с криком, визгом

Отряд особого назначения Наро-Фоминска, участвовавший в ликвидации восстаний „зеленых“.

и руганью двинулись толпой в село Вороново, намереваясь убить коммунистов и разгромить волсовет. Часов в 5 вечера, когда в Вороновском волсовете уже никого не было, за поздним временем коммунисты ушли. Возбужденные восставшие, прибежав в Вороново, ворвались в совет и начали творить безобразия: рвали портреты вождей, бумаги, били стекла, забрали все винтовки, а затем стали отбирать охотничьи ружья у тех

крестьян, у которых они были. Арестовали одного партийца, Борисова Василия Степановича, который благодаря только счастливой случайности остался не растерзанным.

„После разгрома Совета восставшие предались пьянству, а к ночи в ожидании кары ушли в лес. Ушли с дезертирами и юрьевские мужики. Прибывшие отряды, в том числе и мой, ликвидировали восстание.

„Кутыркин выдан и убит самими дезертирами. Убиты в момент перестрелки дезертиры: Илюшин Алексей из с. Вороново, Кашкин—из деревни Михалево, Варварин—из деревни Ясенки и неизвестный той же деревни. Потерь с нашей стороны нет. Документ об убийстве коммунаров, ранее присланный вам мной, нужно отнести на счет нами уничтоженных дезертиров. Организация „зеленых“ в Вороновской волости началась с весны. Организатором был Кутыркин. Организация эта поддерживала связь с другими смежными уездами, в частности с нашим.

„Первое выступление в связи с положением на фронтах назначалось на 19 июня с. г., но вскрылось раньше благодаря только случаю—облаве на дезертиров в праздник.

„Полагаю, что подобные организации существуют и в других уездах нашей губернии. В. Жихарев“.

* * *

Показание крестьянина В—ва

Вопрос: Почему вот вы, крестьянин деревни Юрьевки, не принимавший, как вы заявляете, участия в восстании, на другой день после восстания однако решили скрываться в Масловском лесу?

Ответ: Нам Кутыркин говорил, что все равно, хочешь ли ты, или не хочешь принимать участие в восстании, а ты должен это делать потому, что советская власть и большевики все равно завтра будут вас истязать за нас и не поверят вам, что вы не хотели восставать. Почему? Потому что власть эта не наша, большевики—сброд, уголовщина, и все время стремятся донять вас: закабалить мужика-крестьянина и разверсткой, и всем, чем только можно,—разве вы не видите?.. А потом и стращал: „Если мол не пойдете с нами, то вы наши враги".—Что оставалось делать? Итти с ними и помогать. Вот и шли.

Вопрос: Значит вы принимали участие в восстании?

Ответ: Да нет... А в Масловский лес ушел с восставшими, боясь, что вы будете нас наказывать всех без разбора за восстание.

Вопрос: И всем Кутыркин крестьянам так говорил?

Ответ: Да, конечно, всем, и не только он сам говорил, но и его молодцы говорили нам об этом.

Вопрос: А не помните ли еще, что вам говорил Кутыркин или его молодцы?

Ответ: Как же, помню. Говорили, например, что советская власть скоро кончится. Что скоро Деникин придет и свободную торговлю даст и склады откроет, после чего, мол, мы нуждаться ни в чем не будем и будет всего вволю...; говорил также и о том, что их очень много и что они собираются уж итти сами на Москву, бить большевиков и жидов, и что оружия у них в достатке... а нас просили о чем? Только о том, чтобы мы поддерживали их — шли вместе, хотя бы и не дрались, как они заявляли: „для устраха".

Вопрос: Ну, и что же?

Ответ: Кулаки и зажиточные наши мужики все время были с ними, украдкой помогали, говорили с ними, а мы беднота и часть середняков побаивались их и не верили, и когда хотели они напасть на красноармейцев, сообщили последним об этом, и те удрали.

Вопрос: И все-таки, несмотря на то, что вы „зеленым“ не сочувствовали, а ушли в лес — как это понимать?

Ответ: Очень просто: „с волками жить – по-волчьи выть“—говорит русская пословица,—в нашей Юрьевке, откровенно говоря, много было всякого сброду, и все они ругали советскую власть; а тут дезертиры—ведь их была сила, ну, вот и не поймешь, бывало, что же у нас в деревне деется — не то действительно советская власть не наша, не то у нас прохвостов много... А говорилось-то все больше против власти.

Вопрос: Ну, и что же?

Ответ: Ну, и боялись мы. А раз боялись, то что ж, не будешь ведь говорить им, что ты вот не веришь им и стоишь за советскую власть, ведь у нас не в городе; это у вас ничего, а у нас чуть што—„красного петуха“ пустят и по миру побираться пошлют или пырнут из-за угла, а время-то какое сейчас? Ну, и крутили наши, как им хочется.

Вопрос: А кто из кулаков особенно сильно ненавидел рабоче-крестьянскую власть?

Ответ: На этот вопрос я не дам отета. Вы сами найдете их, если поищете хорошенько, и не потому, что я не хочу им причинить зло — нет. Просто — я запуган и боюсь, что узнают, что я сказал, и тогда мне же попадет—вы-то уедете.

Вопрос: Что же вы—трус?

Ответ: Нет, не потому.

Вопрос: Тогда почему же вы хотите скрыть всю контрреволюционную сволочь?

Ответ: Убьют из-за угла, а у меня пять человек ребят.

Вопрос: И много крестьян скрывалось в Масловском лесу?

Ответ: Да почитай все наши мужики.

Вопрос: И что же вы там делали?

Ответ: Ничего. Просто скрывались, боясь расправы. А когда узнали уж сами из вашего обращения к нам, что мы не пострадаем, ушли от дезертиров в тот же день. Мало того—мы и из молодежи некоторым говорили: ребята, изничтожьте вы этого гада Кутыркина и идите с повинной—заблудились мы. Советская власть—наша власть.

Вопрос: Кому вы это говорили?

Ответ: Да многим из ребят. Фамилии-то их разве упомнишь сейчас.

Вопрос: Ну, а как же молодежь относилась к вашим словам?

Ответ: Некоторые плакали и заявляли, что-де они, мол, верно, блудные сыны, и что единственно остается делать, так это итти и просить прощения у штаба; некоторые, боясь Кутыркина, понуря голову, ничего не отвечая нам, уходили прочь.

Вопрос: Что еще могли бы добавить?

Ответ: Добавить больше мне нечего. А в заключение просьба к вам: простите вы нас окаянных...Темны мы... Пришли бы вы раньше к нам и сказали: „граждане, крестьяне! Чегой-то вы ругаете советскую власть и большевиков?.. Кто мы, буржуи какие или плоть от плоти, кровь от крови ваша гольтепа?.. Если берем излишки и сыновей на войну—для чего, так мол и так“.

А то ведь мало из центру к нам народу бывало, а все больше наша гольтепа, а мы ей не верим, а тут этот Кутыркин... ну,—вот и вышла кутерьма. Что же теперь делать-то. Виноваты, нечего и говорить.

* * *

После недели бессонных ночей, в связи с ликвидацией восстаний дезертиров в уезде и „волынки“ на фабрике, после того как наш отряд особого назначения вернулся из Подольского уезда,—военное положение было снято. Часть заложников после производства дознаний была отпущена, часть препровождена в МЧК.

„Реввоенсовет“ нами был ликвидирован.

Должность военкома уезда я передал вернувшемуся Жихареву и после этого уехал в Бронницы в отпуск к брату.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ЗА РАБОТОЙ

В Бронницкой организации шла лихорадочная работа по проведению мобилизации и отправке на фронт коммунаров.

Формировался отряд из членов партии.

Зашел навестить райкомцев. Было заседание, и присутствовали на нем товарищи: Лавров, Овчинкин, Попов, Блохин, Сенниковский и Клюев [1]).

Обсуждали один из жутких случаев, происшедших в организации 25 мая.

Этот случай—самоубийство тов. Егорова—члена партии из Усмерского подрайона, который застрелился. не перенеся клеветы на него со стороны помещика Горбунова.

Этот помещик возводил на Егорова нелепое обвинение, что якобы он, при составлении описи его имения, присвоил себе некоторые вещи и допустил какие-то незаконные действия.

Дело это попало к следователю Московского губернского ревтрибунала, некоему Васильеву, который отнесся к оклеветанному пристрастно и сделал заключение о привлечении его к ответственности.

---

[1]) Овчинкин, Г. П. работает ныне в губсуде, Лавров, Ф. Я. заведует МКХ, Попов умер в 1919 году от тифа, Блохин—в МОНО, Сенниковский не знаю где, а Клюев в Бауманском совете,

Егоров не выдержал незаслуженного позора. Застрелился.

Клюев читал посмертные записки, бесхитростно написанные и оставленные товарищем накануне самоубийства.

Преданностью и честностью по отношению к рабочему классу веет от них.

Первая записка: „Прощайте, верные товарищи! Вы знаете меня, как честного товарища, таким я и выбываю от вас, что я никогда не задавался той мыслью, чтоб лично для себя постоять; что я стремился для улучшения неимущего класса—клянусь! Но возведенная на меня клевета и интриги, исходящие из рук негодяев, обезволили меня, не выдержав позора—кончаю с собой. Прощайте!“

Обратная сторона первой записки: „Прощайте, товарищи, я знаю, что вы не бросите начатую нами борьбу с буржуазией всего мира за полную свободу трудового народа“.

Вторая записка: „Прощайте, верные и честные товарищи, поработал я с вами со дня революции и стал бы работать дальше, но не могу перенести ложного и брошенного мне негодяями упрека.

„Жалею я одно, почему не пришлось мне погибнуть в борьбе за народное дело. Но я верю, что вы не бросите той святой работы, которую мы дружными и сплоченными рядами вели, вырвав власть у буржуазии. Я много думал над этим вопросом и пришел к одному заключению, что необходимо покончить с собой, иначе нет никакого выхода; я встал на борьбу с буржуазией за право трудового народа, я должен был бы бороться до последнего моего момента и, выполняя свой долг справедливо, не отступал от него ни на шаг, и вдруг—за

буржуазию садиться в тюрьму! Это позор коммунисту, это проклятие! Так я считаю (может быть я ошибся?).

„Чем притти и сказать вам: „сажайте, товарищи, меня в тюрьму, невинного коммуниста, из-за интриг помещика-врага... лучше покончить с собой“...

Прочитав эти записки, я обратился к товарищам:

— Вы возмущены этим самоубийством коммуниста..., а как у вас обстоят дела с дезертирами? Этот случай с Егоровым, по сравнению с тем, что может произойти у вас...“

— О чем ты говоришь?—спросили они.

Я рассказал им о Наро-Фоминском и Подольском уездах, о трагедиях, разыгравшихся там, и о тех сведениях на основе данных следствия, которые определенно указывали на существование организации „зеленых“ и здесь в Бронницком уезде.

— Н-о-о-о?—удивились все.—Нужно заняться этим делом...

* * *

17 июня бюро райкома командировало тт. Гусева [1]) и Климова [2]) в Усмерский подрайон для его обследования и инструктирования.

Попутно с этим, отъезжающим было поручено выяснить, каково положение в этом подрайоне с дезертирами (Усмерская волость считалась главным образом неблагонадежной в этом отношении).

Командированные приехали по назначению в этот же день и приступили к своим обязанностям. В первую очередь обратились к председателю вика с вопросом:

— А каково положение с дезертирами?“

---

1) Ныне работает в губсуде.

2) Ныне председатель Звенигородского упрофбюро.

— „Да как вам сказать, — отвечал Воронцов (предвика),—точного ответа вряд ли кто вам даст, так как никто этого не знает... По моему мнению, очень немного. А 18-го, т.-е. завтра, в конечный срок добровольной явки, многие из них наверное явятся в увоенкомат, это вне всякого сомнения. Правда, поговаривают, что у нас собираются нелегальные собрания „зеленых“, на которых как будто бы выносятся даже какие-то резолюции и постановления. Но этому я не верю—это бабьи выдумки, больше не что иное.

— А вы проверяли эти слухи? — заинтересовались собеседники.—Это же серьезные слухи, чорт возьми!

— Н-да, слухи-то серьезные..., но ведь все же это слухи,—обиженно как-то заявил Воронцов.

Оба на минуту задумались.

Климов встал и нервно зашагал из угла в угол по комнате, а затем решительно сказал:

— Н-не-т, а все-таки надо проверить... Это довольно интересная вещь.

— Ну что ж, попробуй!—согласился Воронцов.

— Я стал подробнее узнавать от других членов коммунистической партии Усмерского подрайона о дезертирах, и те заявили мне, что „зеленые“ в волости собираются и организуются,—так рассказывал потом Гусев.—Нужно было обязательно предпринять какие-то меры.

РАЗВЕДКА

18 июня члены Усмерского подрайона вместе с представителями из уездного центра обсуждали поднятый приезжими вопрос о дезертирах.

Одни спрашивали:

— Как же выяснить действительное положение с дезертирством у нас? Как проверить правдоподобность разных слухов? А выяснять нужно.

— По нашему мнению из мухи слона раздувают,— говорили другие.

Воронцов уверял, что „зеленые“ очень трусливы и, если проверять, то все равно они разбегутся. Что они могут сделать?..—говорил он,—ничего... Ездил я не однажды на них. Бывало приедешь даже с небольшим отрядом, и то разбегутся.

Климов предложил выяснить непосредственно через население вопрос по поводу собраний и организации дезертиров путем посылки одного-двух товарищей конспиративно в районы, наиболее подверженные дезертирству.

Это предложение было принято, и на разведку решено было бросить Климова, внесшего это предложение.

В 10 часов утра этого же дня Климов отправился в путь, в ближайшие деревни.

Первая деревня, встретившаяся ему на пути, была Богачево, в которой, однако, ему ничего не удалось выяснить.

Тогда он направился дальше. Идя полем, он увидал молодую женщину, половшую просо.

— Как пройти в Коломенский уезд, да так, чтоб не наткнуться на Совет?—спросил Климов.

Женщина на минуту бросила работу, уставилась подозрительно и, не отвечая, в свою очередь задала вопрос:

— А вы боитесь Совета?

— Да... так, знаешь, ноне времена-то какие?— как бы нехотя отвечал Климов; тогда женщина прямо бухнула ему:

— „Зеленый“ вы?

Разведчик что-то промычал, понурив голову, показывая виноватый вид.

— Не бойтесь,—успокоила его женщина,—дезертиров у нас много. Не ты один.

— А где собираются они?—как бы выказывая любопытство, спросил Климов.

— Да вон там, в чайной, деревни „Старой",—развязался в конец у бабы язык.

Климов направился по указанному адресу. Деревня „Старая" была невдалеке.

В чайной, куда он зашел и заказал чаю, народу было немного; двое пожилых мужчин вели антисоветский разговор, да двое молодых людей, судя по наружности— красноармейцы, посматривали в окна. Эти последние обратили внимание на вошедшего.

— Откуда вы, гражданин?—спросили они Климова, подходя к нему.

— Я, што ли?—переспросил Климов лениво.

— Да.

— Да я из Бронниц, а пробираюсь в Коломну.

— И пешком?.. Наверное летишь!..—улыбнулись подошедшие.

— Да, так... товарищи...,—помялся немного Климов, а потом:

— А што, нешто нельзя? Чай не все служить! Послужил этой власти, да надо и честь знать.

Слова Климова были приняты очень сочувственно.

— Давно пора, в волости у нас все дома; подожди, вот скоро перебьем всех комиссаров,—тогда заживем,—заявили они,—у нас организуются силы, и даже собрания ведутся. Желаешь—приходи к нам.

— Ладно, когда-нибудь приду,—бросил Климов, напился чаю и вышел.

Дальнейшее направление он взял на Бессоново... Идя мелким кустарником, встретил крестьянина, который на его вопрос: „как у вас на счет беглых“—объяснил: „Насчет беглых-то?.. Не больно... н-е-т... У нас беглые-то эти далече зашли. Вишь, хотят изничтожить совецкую власть и даже большевиков бить. Вожаком у них в Бессонове Зазулов такой есть, иди к нему, он тебе все расскажет, он парень дошлый... Ох, какой дошлый, даст все справки тебе, он у них самый главный“.

Получив все эти сведения от местного населения, Климов отправился обратно.

* * *

Вечером в тот же день было закрытое заседание коммунаров подрайона волости.

Вдруг из Бронниц начали передавать телефонограмму: „Немедленно арестовать Зазулова, главаря „зеленых“, отобрать имеющееся у него оружие и деньги, полученные от какой-то контрреволюционной организации для организации дезертиров. Уездвоенком Блохин“.

На повестку дня заседания тогда был поставлен этот вопрос. Во время заседания скрипнула дверь, и на пороге показались парни, на вид лет 18—20, и назойливо стали спрашивать: „Товарищи, а где тут культурно-просветительный кружок? А когда будет заседание? А что у вас тут за заседание?“ и т. д..

У Гусева родилась подозрительная мысль—„не разведка ли?“—и он предложил арестовать молодцов.

Воронцов вступился:—В этом подозрительного ничего нет, эти явления частенько бывают.

Все согласились. Молодцы скрылись.

При решении же вопроса, когда арестовать Зазулова, коммунист Голицын, присутствовавший на заседании, куда-то вышел.

Гусев и на это обратил внимание и высказал подозрение, но остальные товарищи не придали этому никакого значения.

Решено было после обеда приступить к аресту Зазулова.

Для ареста были посланы в деревню Бессоново, где проживал последний, тт. Климов и Аникин [1]). На всякий случай предложено было выехать туда всем коммунарам подрайона, что и было сделано.

Как только Климов и Аникин уехали, вскоре после них поехали на велосипедах тт. Воронцов и Корольков.

Вслед за ними отправились на лошадях тт. Гусев и Блажнов. А после них еще четверо товарищей: Кудряшев [2]), Сорокин [3]) и другие, пешком.

Дорогой они выработали план ареста Зазулова: предполагалось оцепить всю деревню Бессоново для того, чтобы при его аресте не могли разбежаться все дезертиры этой деревни.

Был также установлен условный знак (один выстрел), на тот случай, если будет что-нибудь серьезное. По этому знаку все коммунары должны были собраться за деревней.

Прибыв к месту следования, коммунары остановились на задах деревни.

Аникин и Климов отправились выполнять задание и начали производить обыск. Обыск был произведен, но Зазулова не нашли.

---

1) Убит на южфронте в 1919 году.

2) Ныне работает в МОНО.

3) Ныне председатель Бронницкого райотделения МСПО.

Воронцов же, Корольков, Блажнов и Гусев поехали в самую деревню.

Оставшиеся на задах деревни товарищи начали арестовывать разбегавшихся из деревни „зеленых" и подвергать их допросу. Из их показаний выяснилось следующее:

Зачатки организации „зеленой армии" в Бронницком уезде были положены на пасху 1919 г. в деревне Бессонове эсером Иваном Алексеевичем Силиным и сыном б. фабриканта и б. офицером той же деревни Николаем Павловичем Александровым-Зазуловым, которыми в свою очередь руководил Горячев [1]) из деревни Старой, имевший связь с одной из контрреволюционных организаций в Москве.

Когда гражданину Силину удалось организовать дезертиров деревни Бессоново в так называемую „зеленую армию", то Силин говорил своим главным сообщникам:

— Мы так постепенно организуем одну деревню за другой, волость, уезд и т. д. и общими усилиями организованно свергнем ненавистную нам советскую власть.

А Горячев обещал добыть где-то в центре орудия, пулеметы, оружие.

„Зеленая армия" начинала принимать все более широкие размеры, темная, несознательная масса крестьянства легко поддавалась обману кулацко-эсеровских политиков. Ее организаторы стали предпринимать меры предосторожности на случай раскрытия ее. На ночных собраниях у железнодорожного моста в лесу, верстах в двух от станции „Конобеево" Московско-Казанской

---

[1]) За неимением документов следствия по делу Горячева трудно сказать, была ли эта организация эсеровская или белогвардейская.

ж. д., они выработали определенную инструкцию для всех деревень округи:

„Если в какую-нибудь деревню придет облава на дезертиров, то прилегающие деревни, в коих ютятся дезертиры, обязаны выступить против этой облавы с оружием в руках. Оружие у нас имеется; правда, его не так много, но, помимо огнестрельного оружия, можно пользоваться вилами, палками и т. п. предметами домашнего обихода.

„В случае, если облава будет состоять из большего количества людей, и ее обезоружить не удастся, то „зеленоармейцы“ должны отступать в лес, где и скрываться до полного отъезда облавы.

„Если же облава по своему количеству будет небольшой, то ее обезоружить и оружие сдать в организацию“.

Все подробности этой инструкции были выработаны эсером Силиным.

Кроме того, организация „зеленых“ имела политический план организации деревни; некоторые из дезертиров объяснили, что с проходящих по дороге поездов сбрасывали брошюры и листовки контрреволюционного характера.

По этому плану в каждой деревне среди дезертиров был избран старший группы, в обязанности которого входило: вербовка дезертиров, из частей Красной армии прибывающих в село и из среды вновь призывающихся по мобилизациям граждан.

Учитывая малое количество вооружения и малочисленный состав „зеленой армии“, главари наказывали сначала вооруженного выступления не делать, а только обороняться от облав. Если же представится возможность, то обезоруживать облавы, как это указывалось выше.

Но зараза „зеленых“ распространялась быстро по всей Усмерской волости. Тогда они стали готовиться выступить вооруженно против совласти 19 июня. Условный сигнал—один выстрел.

НА ВЫСТРЕЛ

Во время допроса дезертиров, учиненного коммунарами на задах деревни Бессоново, вдруг прибежали Климов и Аникин. Климов дал выстрел. Его выстрел застал коммунаров Блажнова и Гусева въезжающими в деревню Бессоново, а Воронцова и Королькова на середине деревни среди собравшихся крестьян.

Лошади были мигом окружены толпою крестьян. Приехавшие, не видя причин для сигнала со стороны своих, решили, что стреляли в деревне, а поэтому начали засыпать крестьян вопросами.

— Кто стрелял? Кто проехал на лошадях, только что встретившихся нам?

Крестьяне отвечали.

— Что же вы на каждый выстрел и будете приезжать? Может быть мы стреляли в грачей, потому что нам жрать нечего. А на лошадях поехали сажать рассаду.

На самом же деле, на лошади, встреченной коммунарами, был послан один из дезертиров деревни с донесением к Зазулову о прибывшей облаве: выстрел Климова дезертиры приняли за свой сигнал к сбору.

— Но почему же лошадь промчалась во весь карьер, и человек гнал ее стоя?

В толпе показался коммунист Голицын, которому приехавшие также стали задавать эти же вопросы: Кто стрелял? Кто проехал стоя на лошади?

Голицын отвечал, что он выстрела не слыхал и лошади не видел.

После этого подошли к Блажнову и Гусеву Воронцов и Корольков и предложили ехать за ними.

Доехав до середины деревни, где была уже собрана большая толпа, они остановились.

Сошли с лошади и зашли в эту толпу. Был митинг.

Говорили тов. Корольков и тов. Воронцов, призывали дезертиров явиться в ряды Красной армии, указывая им, что, в случае неявки, им будет плохо, потому что срок добровольной явки уже истекает.

Затем выступал Гусев и тоже призывал граждан к содействию явке дезертиров. В ответ крестьяне засыпали их вопросами:

— Что же вы нас призываете, а хлеба не даете?.. и т. д.

Коммунары им отвечали.

Во время митинга и речей Воронцова и Гусева, Блажнов и Корольков верхом на лошади поехали к дому Зазулова, намереваясь выяснить, как происходит его арест.

ТРЕВОГА

Из деревни Бессоново тем временем во весь карьер, словно на пожар, по направлению деревни Щербово мчалась подвода.

Похрапывал впряженный в полок пегий жеребец, летя вскачь.

Залихватски откинув корпус, вцепившись в вожжи, сделав прочную стойку, стоял на полке с возбужденным лицом курчавый молодец, то и дело понукая коня.

— Н-но! Давай! И-ге-ге-е-е!..

Конь, словно понимая важность спеха, покрякивая несся вскачь, грохоча атрибутами полка, неистово ударявшегося в ухабистый проселок и издававшего, как бы от боли, разное—и скрипы дерева и лязг железа.

Вдруг повстречался человек.

— Стой!.. Стой!.. Куда ты?—вскрикнул он.

Налег на вожжи кудрявый молодец. Лошадь, пробежав вскачь еще немного, остановилась.

— О-ох, что ты, Павлович? (то был Зазулов—главарь „зеленых").

— Ну!

— Беги скорей, у нас началось... Весь исполком приехал... Народу-у—вво!.. Будет буза!.. Тебя шарют. Я-то по выстрелу...

— Подожди!—приказал повстречавшийся человек,—значит сигнал подали?

— Ну да!

— И куда ж ты?

— В Щербово—сказать ребятам.

— Ну валяй—пусть собираются да пошлют гонцов в другие деревни, штоб сейчас же и те гнали сюда, да в полной боевой. Валяй!

* * *

Прибежавшие к коммунарам, находившимся за деревней, Климов и Аникин что-то кричали, показывали в даль руками.

Там, от деревни Щербово и Старое показались цепи „зеленых".

Коммунары не растерялись и повели наступление на эти цепи.

Дезертиры открыли по ним огонь.

Коммунары отвечали, после чего „зеленые“ начали отступать, а потом разбежались по кустам. Коммунары преследовали их на протяжении двух верст, а затем возвратились к деревне Бессоново.

Вдруг появились новые цепи, двигавшиеся теперь из других деревень.

Когда первая цепь[1]) приблизилась на расстояние, с которого можно было определить, что цепь вооружена винтовками, коммунары приняли ее за отряд красноармейцев из Бронниц, идущий на облаву, и крикнули ей:

— Стой! Свои?

На этот крик из цепи послышался вопрос:

— Пароль?

Убедившись, что это идет не отряд красноармейцев, а банда дезертиров, коммунары открыли по ним огонь.

Завязалась перестрелка, и, когда у коммунаров не осталось ни одного патрона, они вынуждены были отступить.

Между тем, силы другой стороны росли на глазах.

Коммунары были оттеснены от деревни Бессоново и оставили, таким образом, тт. Воронцова, Королькова, Блажнова и Гусева неосведомленными о том, что произошло за деревней, а пробраться к ним было невозможно.

Отступающие достигли деревни Барановское, все время под огнем дезертиров. Стреляли по ним с разных сторон.

---

[1]) Во главе этой цепи шел сам Зазулов, главарь „зеленых“, с револьвером в руке.

Когда началась за деревней стрельба, толпа, окружавшая митинговавших коммунаров, стала вдруг нагло грозить им.

Но Воронцов, невозмутимо заканчивая речь, сказал на это: „Я — идейный коммунист, а вы грозите всех перестрелять, но ведь мы этого не боимся! Мы умрем как идейные коммунисты. Да здравствует коммунистическая партия!“

Стрельба стала учащаться. Тов. Воронцов, выйдя из толпы, направился на выстрелы. Когда он отошел от тех, кого он своею волею удерживал от насилий, толпа почувствовала себя свободной: она была в оцепенении лишь секунду, затем раздробилась на части, на сотни мятежных воль... Поднялся разноголосый рев... В него врезался чей-то решительный голос: „Братцы!“ Толпа спаялась снова. И словно после урагана—наступила немая, жуткая тишь.

— Братцы, они нас гробят!.. Вместо спасибо — пули сулят!.. И среди воцарившегося гробового молчания раздался грозовым ударом крик: „Бей кровососов!“

Толпа словно ждала этого приказа, рванулась и заметалась с ревом.

— Бей!

— Лови!

— Держи!

Сжалось сердце у Воронцова. Молнией пронизала мысль: „за что?..“ и погасла... В его грудь впился по самое дуло винтовки граненый штык... Отяжелевшее тело грохнулось наземь...

Толпа затихла. Вихрем рванулась она еще раз и уничтожила еще две полезные жизни.

Не стало Блажнова и Королькова.

Только одному Гусеву—инвалиду без ноги—удалось затеряться среди толпы.

Верный делу революции, этот безногий человек оплакивал невинные жертвы.

„Почему же не убивают меня?"—думал он, затертый в толпе, сдерживая лихорадочную нервную дрожь.

Из толпы, между тем, протискивался к нему человек.

— Я тебя спрячу,—сказал он ему.

„Я думал,—рассказывал потом Гусев,—что они не стали убивать меня в толпе, а хотели вывести из нее и потом убить.

— Пойдем,—согласился я,—рассчитывая, что с одной личностью я справлюсь, при мне было два револьвера.

Пошли. Пройдя шагов двести, я увидал проулок на деревню Бочевино и сказал идущему со мной: „Спасать идешь"?.. И выхватил револьвер: „Беги,—говорю,—а то пристрелю, как собаку".

Неизвестный испугался и побежал. Я тоже дал ходу. Сзади меня кричали женщины:

— Товарищ, беги скорее, за тобой погоня!

— Пускай догоняют,—крикнул я им, но, заслышав топот, обернулся. За мной действительно бежала группа людей.

— Эй ты! Остановись! Брось оружие!—кричала погоня.

Я им крикнул: „Нет, не остановлюсь". Вынул один разряженный револьвер и бросил.

За первой партией, догонявшей меня, вдруг показалась вторая.

Когда я бросил револьвер, они решили, очевидно, что оружия больше у меня нет, и стали подходить ближе.

Подошли уже шагов на пятнадцать... Вдруг, неожиданно для них я быстро обернулся, выхватил револьвер и несколько раз выстрелил подряд.

Дезертиры ринулись назад.

Добежав до деревни Бочевино, я стал просить граждан куда-нибудь спрятать меня, но никто не согласился. Все советовали бросить оружие, тогда, мол, и прятаться будет незачем, на это я отвечал им: „В револьвере осталось шесть пуль, пять для них и одну для себя поберегу, но живой в руки не дамся и оружия не отдам".

Так я прошел половину деревни, и, увидав проулок, выходящий на деревню Медведево, я решил дальше не ходить.

Подойдя к одному дому в Медведеве, стал просить пить. Как раз нарвался на дезертира, который дал мне кружку и посылал к отцу на колодезь. Задавши несколько вопросов: Откуда я? Что означают выстрелы?.. и т. д., на которые я ему отвечал, что, мол, я иду домой из Конобеева, а что касается выстрелов, я не знаю, что это значит,—я сам испугался и вместо того, чтобы итти домой, пришел сюда и т. д. Он мне верил. Вдруг, откуда ни возьмись, коммунист Лабин, который, ничего не подозревая, подошел ко мне и спрашивает:

— Тов. Гусев, как там дела?.. Пойдем ко мне чай пить!

Вот здесь-то я струсил, потому что Лабин меня выдал с головою, назвавши по фамилии. Но я все же согласился зайти к нему. А дезертир, очевидно, раскусивши, в чем дело, пошел прочь.

Я зашел к Лабину. Вдруг к окнам стали подходить люди.

Один из них с винтовкой, винтовка новая со штыком. Лабин, увидавши это, испугался и говорит мне:

— Гусев, нужно тебе уходить..., а то сейчас всех нас перебьют здесь... и мою невинную семью.

— Куда же я пойду, Лабин, когда дезертиры стоят под окном?

— А что ж я могу сделать,—взмолился тот.

— Может, подпол есть?

— Подпол есть, но ведь опасно.

Я все-таки влез в подпол и там пролежал около полчаса.

Вдруг Лабин открыл подпол и сказал:

— Гусев, вылезай, дезертиры подходят и тебя вероятно вытащат, если ты не уйдешь.

— Куда же мне бежать, ты ведь местный—научи?

— Беги на зады, единственный мой совет,—и проводил меня в соседний двор.

Войдя в этот двор, поглядевши на зады, я убедился, что скрыться там невозможно, и тут же решил остаться на дворе, пусть, что будет, то будет,—думаю...

Револьвера при мне не было; Лабин взял его, когда я лез в подпол. Таким образом, оставшись совершенно без оружия, я решил умереть на этом дворе.

Минут через двадцать Лабин зашел ко мне во двор и спросил: „А ты разве никуда не ушел?“ Я сказал: „Куда же я убегу, когда при мне нет никакого оружия? Пускай убьют здесь“.

Тогда товарищ сказал: „Ты бы хотя лег вот сюда“, указав на кучу навоза. Я согласился. Он разгреб этот навоз и уложил меня там, засыпав навозом.

В этой навозной куче я пролежал около пяти часов.

Когда стало темно, пришла мать Лабина и сказала:

— Вылезай, товарищ! Дезертиры ушли куда-то по направлению к лесу.

Я вылез из навоза, а она стала мне объяснять, что сын ее ушел с моим револьвером в совет и приказал, как только стемнеет и станет тихо, направить и меня в совет.

Но я итти не мог, я не знал дороги и, кроме того, пролежавши долго в навозе, я сильно прозяб. Я сказал

тогда бабке: „Мне нужно согреться“. Она предложила печь. Выдала мой пиджак, палку и фуражку. На печке я и пролежал до утра.

Утром подъехала к избе Лабина лошадь, высланная советом для меня.

Подъезжая к совету, мы увидели стоявшие около него подводы, а на них растерзанные, обезображенные тела наших товарищей—Воронцова, Королькова и Блажнова.

* * *

Совершив это зверское убийство, дезертиры запаслись хлебом и скрылись в лесах. По пути они ограбили совхоз, бывшее имение помещицы Разореновой.

* * *

О происшедшем событии в Усмерской волости коммунары Усмерии сообщили в близлежащий Коломенский уездвоенкомат, а тот по телефону в 9 часов вечера 18 июня сообщил Бронницкому уездвоенкому.

Блохин [1]), приведя в боевую готовность караульную роту с отрядом в 50 человек и одним пулеметом, выбыл на место происшествия.

В ночь на 19 июня он прибыл в деревню Бессоново и, встретив там караул от 8-го запасного баталиона, отправился с отрядом в деревню Барановскую, в пункт расположения частей войск, прибывших на усмирение восставших по распоряжению Московского губвоенкомата.

Отряды тут были: из Коломенской и Егорьевской караульных рот—150 человек, Богородской и Орехово-

---

[1]) Бронницкий уездвоенком того времени.

зуевской во главе с И. С. Беспаловым и Жеребиным, К.—97 человек и 8-го запасного баталиона—187 человек.

Приняв на себя командование отрядами, Блохин в 7 часов утра 19 июня созвал общее собрание коммунистов, на котором было постановлено:

1) Объявить Усмерскую волость на военном положении, запросив санкцию уездного исполкома.

2) Создать военно-оперативный отдел под руководством Блохина.

3) Выработать план действий.

4) Организовать следственную комиссию.

Были даны следующие задачи:

Коломенскому и Егорьевскому отрядам в числе 150 человек под командой Гаврилова сделать облаву на дезертиров в деревнях: Новоселово, Пушкино, Леоново, Силино, Медведево, Лидино, Бочевино.

Отряду от 8-го запасного батальона под командой товарища Грачева сделать облаву в селениях: Вырапаево, Чивилово, Никольское, Росславлево, Островцы, Бессоново; Богородскому отряду под командой тов. Урусова в селениях: Высельцы, Старая, Щербово.

Бронницкому отряду под командой тов. Бирюкова в селениях: Потаповской, Щельпино, Осташево, Шуклино, Берендино и Усадищи.

По пути следования Богородского отряда были столкновения с дезертирами; кроме этого, и другие отряды имели мелкие стычки с таковыми, причем дезертиры большей частью стреляли из-за углов в мелкие части отрядов.

Добившись распыления концентрированных сил дезертиров, командование отрядами объявило срок добровольной явки с 19 по 23 июня.

В селениях, относившихся враждебно к отрядам Красной армии и не желавших добровольно выдавать дезертиров, крестьяне заявляли: „Нет дезертиров“ или „Мы не знаем, кто дезертир“. В этих селениях агитация за добровольную явку успеха не имела. Пришлось сделать предупреждение, что, в случае невыдачи дезертиров к установленному часу, будут приняты самые решительные меры, вплоть до расстрела. Применялась и реквизиция скота; последний, после добровольной явки дезертиров, возвращался. Крестьяне стали находить дезертиров и выдавать их штабу отрядов Красной армии, давая честное слово, что в их селениях не будет больше ни одного дезертира.

Однако на некоторые селения были наложены контрибуции.

Общий перелом, в отношении бедняков и середняков, к дезертирству происходил под влиянием бесед красноармейцев, находившихся на службе, о семьях красноармейцев и обработки земли для них общественными силами, а также передачи семьям красноармейцев реквизированного скота у злостных дезертиров и кулацкого элемента. Это раскрывало глаза крестьянам на сущность советской власти, освобождавшей бедноту от кабалы кулаков.

После этого дезертиры массами стали являться в деревню Барановскую, в штаб отрядов и уездкомдезертир.

Были приняты меры к поимке известных главарей. Один из отрядов близ села Ашиткова задержал несколько человек; из допросов их выяснилось, что организаторами дезертиров были: Силин (эсер) и б. офицер из деревни Старой, назвавшийся Александровым-Зазуловым, и одиннадцать человек их ближайших помощников. Зазулов в свою очередь был подчинен

Горячеву, А. И., который являлся представителем „зеленых“ от центра.

26 июня был созван съезд сельских советов, на котором принята резолюция, одобряющая принятые меры решительной борьбы с дезертирством.

В этот же день военное положение было снято. Отряды отозваны, оставлено десять человек для розыска скрывавшихся дезертиров.

Из сообщенного следственной комиссией материала подтвердилось, что инициаторами и организаторами восстания в Усмерской волости были эсер Силин и кулак Зазулов-Александров.

Силин был арестован в Москве, куда он пытался скрыться, и доставлен в деревню Барановскую для допроса следственной комиссией; затем он был передан в бронницкую тюрьму, откуда препровожден в московскую губернскую тюрьму.

Другие дезертиры, признанные злостными, а также ответственные руководители, по постановлению следственной комиссии переданы были в распоряжение Московского губернского трибунала.

Всего было задержано дезертиров облавами и явилось добровольно—401 человек,

Но главные руководители—Зазулов и Горячев—сумели скрыться.

* * *

Хмурилось небо. Заходили тучи. Куры обирались. Все говорило за то, что будет ненастье.

Был большой сенокос. В лугах то там, то здесь, среди надвигавшихся сумерок, белели шатры, а кое-где, оберегая себя от сырости, холода и голода, люди разводили костры.

Наметанные стога с вздернутыми ветром носами, стояли треугольниками, нарушая однообразную ровень лугов.

Все это—и небо, и белевшие шатры, и стога, пламень костров—затягивала влажная, густая завеса голубовато-белесого тумана, поднимавшегося из болот и реки.

Здесь, на лугах, под туманами, в росистой траве, один из скрывшихся главарей—Зазулов—думал скрыться от преследований.

Ночью он с десятком оставшихся верных ему людей пробирался в луга.

В жилых местах не было теперь больше приюта. На каждом шагу у жилья поджидали его красные „гости“.

В деревнях—песни звонкие стихли, перенеслись на луга. Тут вокруг костров, под синью неба, преодолевая усталость, надрывала свои голоса молодежь—девушки. Парней не было; после восстания они снялись с родных мест и ушли в красные войска.

* * *

В темноте тихого вечера небольшой отряд красноармейцев, с Богачевым [1]) во главе, шел от лугов к жилью.

Усталые за неделю, измученные и голодные красноармейцы подходили к деревеньке, скрытой туманом, в ожидании приюта.

Дорога перерезалась оврагами. Речушка аршина в полтора перехватила дорогу и остановила.

— Стой товарищи! Да тут река!—крикнул старший, и все остановились, отыскивая след перехода. Маялись долго.

---

[1]) Ныне работает в губотделе совторгслужащих.

Как вдруг из-за тумана, навстречу им, у оврага, выросли новые люди, и один из них с дубиной в руке.

— Кто это?—крикнули из отряда.

А те, что с противоположной стороны, не проронили ни звука в ответ: словно мыши приникли к земле, и не стало их, будто и не было их тут никогда.

Щелкнули затворы винтовок, и отряд, чуя недоброе, ринулся, не взирая на преграду, вперед, захлебывая в голенища сапог проточную холодную воду.

Тогда притихшие люди вскочили и побежали вскачь.

Топ! Топ! Топ!—отдавалась эхом земля.

Словно только этого и ждали перешедшие овраг красноармейцы: вскинули ружья и осыпали фронт градом пуль, с криками—стой!

Впереди все стихло враз.

То там, то здесь поднимали красноармейцы уткнувшихся в землю испуганных дезертиров. Это была группа Зазулова, пытавшаяся пробраться в луга.

— Ты кто?.. Чей?.. Откуда?—спрашивали всех задержанных красноармейцы.

— Я—Зазулов,—вдруг отвечал один из уткнувшихся от пуль.

— За-зу-лов?—недоуменно от неожиданности переспросили красноармейцы и схватили главаря „зеленых“.

Тем временем часть дезертиров успела сбежать в деревню и собирала там людей на поддержку оставшихся.

Красноармейцы разглядывали с ног до головы виновника разыгравшейся в Усмерии драмы—Зазулова.

— Товарищи!—тогда обратился к ним Богачев,—нам нужно быть наготове. Сейчас наверное будет волынка... Придут выручать главаря. Кто возьмется охранить в целости, во что бы то ни стало, главаря.

— Я!—отозвался один из красноармейцев, фронтовик, известный своей преданностью делу революции.

— Так вот тебе задача: карауль и живым не отпускай.

— Есть,—ответил красноармеец и отвел в сторону Зазулова.

* * *

От деревни подходили люди на выручку дезертирам.

Отряд принял боевое положение, рассыпавшись в цепь, и открыл стрельбу. С противоположной стороны отвечали...

* * *

Красноармеец, взявшийся охранять Зазулова, отошел прочь от отряда в тот самый момент, когда началась стрельба.

Увидав сруб, он забрался с окарауливаемым туда, посадив его в подпол, нацелил в его голову дуло нагана и приказал не шевелиться.

* * *

Цепь дезертиров дрогнула и побежала, скрываясь в темноте.

Отряд красноармейцев сорвался с места и ринулся вперед, нагоняя бегущих. Вскоре он возвратился на прежнее место замкнутым кольцом, а в кольце сбилась кучка дезертиров.

* * *

Богачев, начальник отряда, нашел красноармейца, охранявшего Зазулова, все в том же положении, на

корточках, с наганом в руке, направленным в подпол, в котором сидел съежившись недавний вождь „зеленых“.

* * *

На утро всех пойманных дезертиров доставили в уездный город.

А через несколько часов их главаря Зазулова везли обратно под усиленным конвоем. Привезли в Барановское и там расстреляли.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

У ЛЕСНОЙ СТОРОЖКИ

Три недели отпуска—миг один.

6 июля. Я в Наро-Фоминске.

Губвоенком Миньков шлет на имя Жихарева срочную телеграмму:

„Несмотря на ликвидацию восстаний „зеленых“ в Наро-Фоминском, Подольском и Бронницком уездах, все же в некоторых районах этих же уездов (как видно из донесений) остались части последних и, концентрируясь вновь, грозят поднять восстания.

„Так, например, в районе Масловского леса дезертиры сосредоточились в довольно большом количестве и готовят распространение своего влияния и на другие районы.

„Для уничтожения этого позорного явления в нашей губернии приказываю:

„Немедленно выслать отряд в район Масловского леса и ликвидировать дезертирство.

М. Миньков“.

Жихарев, получивши эту телеграмму, поручил мне приказом выполнить эту задачу.

„Командиру караульной роты тов. Войцекян.

„С получением сего предписываю вам с отрядом в 50 надежных красноармейцев выступить по направлению—

Нара—Савеловка—Моготово в Масловский лес, где сосредоточены банды дезертиров.

„Обследовав лес, направляйтесь на Бароденово—Окулово—Новая Малеевка—Архангельское—Белоусово—Новиково—Лукино—Лисинцево.

„В Лисинцеве произведете тщательное следствие по участию братьев Герике[1]) в организации дезертиров, предварительно сняв дознание с коммуниста Игнатовской ячейки тов. Дивина. Затем направитесь в Руднево, где вас будет ждать продовольствие.

„По дороге забирайте у семей дезертиров лошадей, повозки, упряжь и заложников. Все это доставляйте в село Руднево. Отбор производить по протоколам.

„Для связи со мной возьмете два велосипеда и три верховых лошади.

„Первое известие пошлете из Бароденова, второе—из деревни Новой.

„Без моих приказаний маршрут не менять, если в этом не будет крайней необходимости.

„Возьмете для отличия от неприятеля красно-белый флаг.

„Действуйте решительно и энергично—необходимая поддержка будет выслана.

Уездвоенком В. Жихарев".

* * *

Мы двинулись в путь.

Дойдя до Масловского леса—остановились.

Ночь.

---

[1]) Как выяснило следствие, братья Герике, бывшие офицеры, в организации дезертиров никакого участия не принимали.

Разведка, под прикрытием темноты, вошла в лес.

— Чу? Что это?—вдруг шопотом спросил настороженный дозорный, когда разведка вышла на поляну.

Влево кто-то цокал железом так, что в нашем взвинченном воображении эти звуки показались щелканьем затворов винтовок.

— Ложись,—шопотом скомандовал я красноармейцам.

Впереди двигались силуэты живых существ.

— Неужели „зеленые"?—любопытствовала мысль.

Долго вглядывались в темень. Винтовки давно зарядили и держали наготове.

Вдруг кто-то резко свистнул невдалеке, и не дав нам как следует сообразить, в чем дело, щелкнул, да так резко, как будто бы из ружья:

„Щ-щ-елк!"

Через секунду мы уже смеялись над собой... Это щелкал пастушьим кнутом подпасок-пастух из „ночного".

— У, чтоб тебе!..—и мы быстрей зашагали вперед.

Верст на пять ушла от отряда разведка,—живой души не встретила она на пути.

Часть разведчиков тогда я отделил и повернул обратно для связи с оставшимся отрядом.

Перед рассветом оставленные на опушке красноармейцы подтянулись к нам.

Двинулись дальше.

„Где же бегунцы? Согласно приказа должны бы быть здесь?"—путались в догадках, но шли вперед.

Шли час, два. Солнце взошло. Перед нами лесная сторожка. Зашли.

— Што вам, родимые?—встретила нас старушенка.

Спросили, что нужно.

— Где же нам знать-то?.. Христос с вами!—получили ответ.

Несмотря на зонты—раскудрявившиеся верхушки деревьев,—взошедшее солнце не давало своим жарким дыханием покоя.

Вдруг крики.

„Стой! стой!..“

Все потеряли фронт и устремились куда-то, но возбужденные красноармейцы столпились впереди, рассматривая что-то во мху.

— В чем дело, товарищи?

Красноармейцы наперебой отвечали:

— Товарищ командир! Винтовки, гранаты... бумажка... смотри!

В кустах лежала прикрытая ветвями груда винтовок и гранат, а сверху бумажка-отношение. Как только могло оно сюда попасть?

„В районные комитеты РКП (б) № 456“.

Пошли дальше, но не встретили в лесу ни единой души.

Только в селах, встречавшихся по пути, мы задержали несколько человек дезертиров.

* * *

За „зеленых“ вступилась тифозная вошь. В дороге, на обратном пути, я схватил тиф и, по возвращении в город, свалился без памяти в постель.

НА „ЧЕРТОВКЕ“

Капля по капле копилась и росла злоба против Кузнецова [1]) у его односельчан из молодежи.

---

[1]) Кузнецов был председателем комитета по борьбе с дезертирством в Чаплыженской волости Бронницкого уезда.

- Обожди, окаянная сила—комиссар от комдеза, доберемся до тебя!—угрозой прорывалась эта злоба.

— Страда началась, а он не глядит ни на что: нынче одного, завтра другого—цап, да в кутузку, да в город и в армию...—слышался ропот.

— Головы тебе своей не сносить, негодяю!..

Не замечал ни злобы, ни угроз этих один Кузнецов,—некогда было. Продолжал он беспощадно бороться в своей округе с дезертирством, которое позорило деревню.

Был верен партии, рабочему классу и трудовому крестьянству, из среды которого сам он вышел.

Редко он выходил из себя. Но уже если бывало доведут его односельчане-мужики [1]) до белого каления, ну, тогда уж держись!..

Скрипнет зубами тогда он, сверкнет своими серыми глазами и скажет:

— Земляки-товарищи! А все-таки как будто бы вы и соскучились по уряднике, помещике и прочей сволочи, терзавшей нас.

А те как будто не понимают в чем дело и спросят:

— А што?

— А што? А так, ничего. Дезертиров полна округа, советскую власть ругаете, нас, местных работников, проклинаете: это вам нехорошо, это плохо... то, да се, да и чорт знает что!

А ему в ответ:

— Што ты, што ты, Егор Осипыч. Мы рази не знаем, што советская власть наша? Знаем... Только вот оно, конешно—разверстка эта, да торговли вольной нету, и жевать-то не особливо..., к тому же и одеться не во что.

---

[1]) Села Никитского, Чаплыженской волости Бронницкого уезда

А то бы мы рази супротив власти, да никогда, боже нас упаси. А што касаемо нащет дезертирства, так обожди малость, сымут хлеба,—придут.

Вскипало тогда сердце у Егора от этих беспечных суждений мужиков, и он, глубоко вздохнув, начинал урезонивать их.

— Во-первых, говорил он, ждать, когда враг близок, и не давать сыновей в армию—это смерти подобно. Вся белогвардейская сволочь жаждет нашей крови,— стучится у ворот.

...Ждать могут и ждут только контрреволюционеры, белогвардейцы, кулаки, попы. А чего мы дождемся?

...Во-вторых: стыд, позор нам и семьям нашим от дезертиров! Горе может постичь нас, которое постигло так недавно Усмерских, которые тысячу раз проклинают кулаков и дезертиров, доведших мужиков до несчастья. И поэтому, в-третьих: от меня никаких снисхождений по части дезертирства не ждите. С этим позором буду бороться до конца! Вы сами поймите, разве партия наша и советская власть обманывают вас? Нет. Что плохо у нас, мы говорим вам, не скрывая. Что хорошо,—тоже наше. Так чего же вы смотрите на все новое, как на какое-то навождение, ниспосланное за грехи? И-эх вы!

И опять соглашались мужики.

А как только уходили за совет, оглядывались и снова заводили свое:

— Ему-то хорошо!.. паек получает, чего ему не хвалить и не защищать советскую власть?.. А вот нам каково?

Тяжело было работать среди односельчан.

В их умах никак не укладывалось это представление: власть в лице своего же бедняка-односельчанина, Кузнецова.

„С нами рос, вырос, голодал, и вдруг власть, да власть, которая не хочет делать снисхождений“.

* * *

Егор Кузнецов получил телеграмму:

„Немедленно приезжай мое распоряжение. Уездвоенком Блохин“ [1]).

Это было 8 июля.

С петухами проснулся Егор в этот день.

Облака раскудрявили небосвод. Тишь. Смазал велосипед в дорогу и поехал, обещав жене вернуться после обеда.

— Вот, что Кузнецов,—сказал комиссар, обратившись к нему, когда тот явился в уездвоенкомат,—мы тебя, родимый, хотим из волости взять.

— Что вы, товарищи?.. Только было я пригляделся к работе, а вы какое-то новое дело затеваете,—отвечал Егор.

— Да знаешь время-то какое сейчас, товарищ, каждый работник на счету. Многие у нас ушли на фронт—нужно замещать, ну, и решили остановиться на тебе. В деревне и без тебя справятся.

Говорить много некогда.

— Ну, что же, раз нужно, так готов я,—дал Кузнецов свое согласие, испросив разрешение дня на три отправиться домой для сдачи дел.

* * *

Рязанское шоссе на средине пути меж городами Коломна и Бронницы разорвано на две части оврагом.

[1]) Бронницкого уезда.

Этот овраг огромный тянется на несколько верст, и по дну его, как бы разрезая и его в свою очередь на две части, течет речушка Чуркина.

Подступы к оврагу с обоих концов шоссе вздыбились сажен на пять над горизонтом этого места, образовав крутой спуск к речушке.

Справа и слева оврага—частый березнячок поразросся; в бурю шумит этот березнячок и осыпает своею листвою речушку Чуркина.

Спокон веков слывет это овражное место за страшное и глухое. Грабежами и убийствами заклеймено его прошлое. Чуркин в свое время грабил здесь проезжих московских и коломенских купцов.

Лучшего имени этому страшному месту люди не могли подыскать, как „Чортово место", или иначе „Чертóвка".

Кузнецов на пути к дому [1]) подъезжал к „Чертóвке".

По обе стороны шоссе, на полях, бабы убирали рожь, спеша под обед; по левой—давыдовские, по правой—поддубьевские.

Велосипед под тяжестью тела Кузнецова скользнул по вершине склона оврага „Чертóвки" и покатил под уклон. Перемахнув „Чортов мост", соединявший склоны оврага, Кузнецов замедлил ход.

Въезжать на подъем невозможно тяжело.

— Тьфу, чорт возьми!—выругался Кузнецов, остановился, спрыгнул с велосипеда, обтер лоб и закурил папиросу.

— Устал... ну, скоро отдохну,—думал он про себя...

---

[1]) По направлению к Коломне.

* * *

Семен Антонович Леднев[1]) только что пообедал и, придя в совет, сидел за ворохом бумаг.

Вдруг вбежавший сторож закричал:

— Батюшки, Егора Осипыча убили! Кузнецова убили! Убили!

Леднев вскочил и остолбенел от этой неожиданной вести. Он не верил своим ушам.

— Да, правда, што ль?

— На „Чертóвке" лежит весь в крови.

— Какое несчастье!..

Вмиг всполошилось село.

— Осипыча убили!

— Кузнецова убили!

— Убили, убили...—разносилось по селу.

Стали снаряжать подводу, другую, третью, и ускакали по шоссе.

На „Чертóвке", там, где кончался подъем, на шоссе, в луже крови лежал Кузнецов.

Его верный друг, стальной конь, валялся в стороне.

* * *

Поддубьевские и давыдовские бабы рассказывали:

— Жали мы, вдруг видим—едет человек на велосипеде. Доехал до оврага,—остановился он и закурил. Откуда ни возьмись, трое молодцов в емнастерках,—видно из березняка, да к нему. Окружили. Один из них, здоровенный парень, прикурил цыгарку у него... да вдруг схватил его за горло, а другие—за руки. Человек с

---

[1]) Председатель Чаплыженского волсовета в 1919 г., ныне работает в Бронницком уезде заместителем УЗУ.

велосипедом был, должно, сильный, поднялась у них такая возня, что страшно было глядеть. Так возились они долго, а потом вдруг один из троих хватил револьвер из сумки у человека с велосипедом, да и выстрелил ему в голову. Тот зашатался, закричал и упал навзничь, а те молодцы, как волки, убежали в лес.

КОЛЬЦО „ЗЕЛЕНЫХ" РАСПАЛОСЬ

Память моя после тяжелых приступов болезни стала проясняться. Но я был еще очень слаб, когда доктор принес мне пакет за пятью сургучовыми печатями.

„Дорогой товарищ,—писал мне уездвоенком Д. Воронов [1]),—тебя вызывают срочно в Москву. Выписывайся. Приезжай".

Наверно что-нибудь важное. Что делать?

„Чувствую себя еще слабым, ехать не могу",—был мой ответ.

Прошел еще день, а на следующий прискакал верховой опять с пакетом.

„Миньков вторично приказал немедленно тебе явиться к нему. С ком. приветом. Д. Воронов".

„Ну, наверное стряслось что-нибудь серьезное, когда так настоятельно зовет"—решил я и попросил врача выписаться.

— Куда вы еле живой поедете?

Но я настоял на своем.

Через два часа был в Наре, в военкомате и читал телеграммы Минькова, требующие моего приезда. На утро я выехал в Москву.

---

[1]) Уездвоенком Наро-Фоминского уезда, заступивший на место В. Жихарева, уехавшего добровольцем на фронт.

* * *

— Что это так долго мешкал?—встретили меня Миньков и Егозарьянц в губвоенкомате.

Я объяснил причину задержки.

— Ну, вот что, братец ты мой, вот тебе приказ, из которого ты поймешь, в чем дело, и немедленно направляйся по месту, не задерживаясь...

Приказ гласил:

„Москва 4 августа 1919 г.

... В Дмитровском и Клинском уездах, несмотря на ранее изданные приказы, до настоящего времени не приняты решительные меры к дезертирам, почему последние, чувствуя это, сгруппировываются в указанных уездах в большом количестве.

Принимая во внимание, что необходимо в корне уничтожить это позорное явление и принимая во внимание местные условия, назначаю на должность чрезвычайных комиссаров для борьбы с дезертирством по Клинскому уезду Бронницкого уездвоенкома товарища Блохина и по Дмитровскому уезду помощника Наро-Фоминского уездвоенкомата товарища Войцекян и приказываю:

§ 1. Тов. Блохину принять командование всеми военными силами, находящимися в подчинении Клинскому уездвоенкому, а тов. Войцекян—всеми военными силами, находящимися в подчинении Дмитровскому уездвоенкому.

§ 2. По прибытии на место назначения, совместно с уездвоенкомами выработать подробный план своих действий и донести секретно нарочным, указав, какое количество штыков и пулеметов вами получено от

указанных уездвоенкомов, и вообще действовать в контакте с уездвоенкомами.

§ 3. Тов. Блохину и Войцекян очистить указанные уезды от дезертиров, пустить в ход прежде всего мирные способы, и лишь в крайнем случае применяя оружие, и т. д.“.

Получив от военкомов напутствие и распоряжение о предоставлении мне мотоцикла, я отправился в Дмитров.

* * *

Ознакомившись с положением дел в уезде относительно движения „зеленых“, я решил взять представителей уездвоенкомата и без всяких проволочек начать кампанию по очистке уезда от дезертиров, в первую очередь по шоссе, идущему от города до Рогачева, где до этого было кулацкое восстание и убито несколько красноармейцев и коммунистов. По приговору местной ЧК, за организацию этого восстания были расстреляны на площади села Рогачева Александр Юрасов и Александр Князев.

Согласовав свой план с райкомом, я вместе с отрядом и представителями от уездвоенкома, Немковым и В. Бузиным, двинулся в путь.

Проходя ряд деревень по шоссе (это уже было к вечеру), мы задержали мужчину и женщину с подозрительным возом, нагруженным как бы сеном до отказа, остановили, обследовали, и оказалось, что воз был с шевровой кожей.

Мужчина упал в ноги и стал просить прощения. Оказывается, кожа была выкрадена из складов ВСНХ в Москве и везлась в одно из селений для сокрытия.

Воз был реквизирован и под конвоем направлен вместе с задержанными в город. Показаниями арестованных было раскрыто целое дело.

* * *

Дезертиры, узнав, что приехал „карательный отряд", как они нас называли, стали пачками сами являться без сопротивлений, и пока мы дошли до знаменитого Рогачева, отправили в город около тысячи человек, с которыми в городе военком Горячев еле успевал справляться.

Между прочим, для сортировки дезертиров была создана следственная комиссия, которая злостных направляла в тюрьму или в Москву в МЧК.

Из Рогачева мы двинулись в Рогачевский монастырь, где, по слухам, под видом монахов скрывалось много дезертиров. Наш приезд вызвал целую панику,—кто-то пустил слух, что заберут всех монахов. В монастыре мы действительно обнаружили и забрали несколько скрывшихся дезертиров. Продвигаясь влево от монастыря, мы очистили всю восточную часть уезда от дезертиров, не встречая нигде сопротивлений.

* * *

На следующий день мы избрали другой маршрут: по линии железной дороги, не доезжая Вербилок, влево от реки Сестры, по этой реке, до Рогачева и обратно в город,—т.-е. поставили себе целью очистить западную часть. Так и сделали.

В первом же пункте в одном из селений мы попали в разгар спектакля, на котором было много дезертиров.

Оцепили и взяли человек триста; но некоторые успели скрыться, переодевшись тут же на спектакле в женские платья.

Продвигаясь по реке Сестре по границе Клинского уезда и Тверской губернии, мы неожиданно для себя обнаружили дезертиров за уборкой урожая на другом берегу реки. Они сами себя выдали, начавши нам кричать с того берега: „Эй вы, краснопузые“!..

В этот момент, откуда ни возьмись, отряд Блохина, который имел районом своих действий Клинский уезд.

Силами двух наших отрядов все дезертиры были захвачены на месте.

„Чорт нас угораздил кричать! Убирали б себе хлеб... А то вот и накричали на свою шею“,—говорили потом дезертиры,

* * *

После этого делаем поход в северную часть уезда и очищаем ее также от дезертиров.

Во время этих операций нами было отобрано очень много кожи и готовой обуви у спекулянтов, так что чуть ли не целый год жители города Дмитрова ходили в приобретенной таким образом обуви.

Побывали мы и в знаменитом кожевенном Талдоме. И совершив, таким образом, пешком чуть ли не 500-верстный поход, выполнив полностью задание губвоенкома, я с отрядом вернулся в Москву.

* * *

Блохин действовал в Клинском уезде не менее успешно. После этого в Московской губернии окончательно было ликвидировано движение „зеленых“, что

дало возможность местным работникам спокойно работать.

Но не только эти решительные меры борьбы с дезертирством положили конец движению „зеленых“ в Московской губернии. Систематическая работа организованных комиссий по борьбе с дезертирством, которые в отношении ликвидации дезертирства сыграли отнюдь не маловажную роль. Сильнейшее же влияние на сознание крестьянства оказывала героическая борьба Красной армии на всех фронтах гражданской войны. Деревня начинала понимать, что наступление белых грозило ей возвратом старой кабалы, деревня начинала все более сознательно относиться к политике советской власти.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ПОКАЗАНИЯ „ЗЕЛЕНЫХ“

(По делу о восстании дезертиров в Вороновской волости)

Интересны показания дезертиров о вороновской трагедии.

Вот наиболее характерное из них 1-е показание дезертира 1921 г., служившего в 21 артдивизионе в Москве, А—на.

Вопрос: Состоял ли в „зеленой“ армии и участвовал ли в бою с Красной армией у Масловского леса?

Ответ: В „зеленой“ армии я состоял и во время боя участвовал.

Вопрос: Кто разгромил волостной исполком?

Ответ: Я не знаю.

Вопрос: Сколько времени вы состояли в „зеленой“ армии? Кто организаторы этой армии? Цель ее? Сколько раз были у вас собрания? Количество армии?

Ответ: Состоял я дней пять. Главным организатором был Кутыркин. Цель была такая, т.-е. на собраниях, которые устраивались в лесу, говорилось: „Нам власть такая не нужна, нам нужно разбить Совет и

уничтожить всех коммунистов, так как они раньше кричали „долой войну“, а сами воюют; дальше были и такие предложения: там где удастся—взрывать мосты, портить железные дороги и т. д.. Вооруженное восстание по всей губернии предполагалось на 19-е число июня, но кто-то помешал, и мы восстали раньше“.

Вопрос: Каким путем происходила организация „зеленой“ армии? Кто первые организовались?

Ответ: Появился Кутыркин. Потом назначили от каждой деревни представителей, в которое число был назначен и я, было назначено собрание этих представителей, на котором была поставлена цель: „переловить по-одиночке всех коммунистов, привлекать всех дезертиров каждой деревни в „зеленую“ армию.

Вопрос: Кто отбирал дробовики у крестьян?

Ответ: Дробовики отбирались мужиками же; переданы мне, а я раздавал своим.

Вопрос: В каком количестве была ваша „зеленая“ армия?

Ответ: Сказать не могу. По словам организаторов, имелась связь с Наро-Фоминским уездом и другими.

Вопрос: Сколько у вас имелось оружия и откуда оно получалось?

Ответ: Винтовок было штук 125, револьверов 20 штук, у меня была бомба. Больше показать ничего не могу.

ПОКАЗАНИЯ КРЕСТЬЯН

Не менее интересны показания крестьян. Например крестьянина И—а.

„После обеденного времени и молебна я вышел на улицу и увидел едущих двух верховых красноармейцев. Проехав до половины деревни, они остановились,

и к ним присоединилась масса вышеназванной деревни, а затем они прошли к комиссару. Вдруг с концов деревни народ увидел бегущих незнакомых вооруженных лиц. Бегущие лица мне неизвестны, фамилии их я не знаю. У некоторых из них были в руках винтовки. Завидел все это я и сообразил, что дело будет неладно, и ушел домой. Дойдя до дома, я услышал стрельбу и, испугавшись, вошел в дом и до тех пор не выходил, пока все не утихло.

„После всего происшедшего, уже вечером, был назначен сельский сход разрешить вопрос, как поступить далее. Было постановлено довести до сведения власти, и был назначен караул.

„По делу нападения на волсовет и его разгрома я не знал ничего, слышал от народа, что разгромили, а как разгромили и как это было, я не знаю. Узнал же я в этот день".

Вопрос: Знал ли что про „зеленую" армию и кто находился из ваших дезертиров в этой армии?

Ответ: Я не знаю никакой армии и кто состоял в ней я тоже не знаю, у меня сына нет.

Вопрос: Собирались ли у вас сходки, и как смотрели на дезертиров?

Ответ: На сходках староста всегда требовал, чтобы дезертиры все являлись. Больше показать ничего не могу.

* * *

А вот еще показание крестьянина Х—ва.

„15 сего июня после обеда и молебствия я сидел на завалинке дома своей матери. Спустя несколько времени послышалась стрельба: С чьей стороны была открыта стрельба, я не знаю. Когда была слышна

стрельба, то со всех концов деревни видно было бегущих людей. Я ушел в дом и, пробыв там не более десяти минут, вторично вышел на улицу, а что происходило на улице, я не знаю. Увидел толпу народа, куда направился и я. Подойдя, я увидел что-то кричащих людей. Из всего мною виденного могу в заключение добавить, что по улице с револьвером в руке бежал Кутыркин".

Вопрос: Сколько ваш сын дезертирствовал, и были ли вам известны все приказы и постановления, чтобы дезертиры являлись в военный комиссариат, а в особенности последнее постановление Совета Труда и Обороны?

Ответ: Сын мой дезертиром находился месяцев пять, приказы и постановления мне также были известны.

Вопрос: Состоял ли ваш сын в „зеленой" армии, а также—ходил ли на собрания?

Ответ: Состоял ли, не знаю, но когда учинено было восстание, то к моему сыну прибежал мальчишка, который сказал: „Одевайся", и он оделся и побежал; куда пебежал, не знаю, но когда я вышел на улицу, то услыхал стрельбу в деревне. Моего сына посещали его товарищи.

Вопрос: Почему вы скрывали своего сына, раз вы хорошо знаете все постановления?

Ответ: В этом я признаю себя виновным.

Вопрос: Участвовал ваш сын в бою?

Ответ: Не знаю, участвовал или нет...

Вопрос: Где же вы сами были, когда происходила стычка?

Ответ: Сам я стоял за своей деревней, от деревни версты полторы. Больше показать ничего не могу.

Приложение № 2

ПОКАЗАНИЯ

по делу об организации „зеленых" в Усмерской волости Бронницкого уезда.

23 июня 1919 г.

Гражданина Московской губ. Бронницкого уезда, Ашитковской волости, дер. Ново-Маринка, Ивана Алексеева Силина (одного из главарей „зеленых").

„На все вопросы, которые мне задавали, отвечу в несколько слов: я лично убеждений своих менять не желаю, потому что не нахожу нужным убеждения мои менять. Я беспартийный. Ни одной организации не знаю. Ни в одном комитете не состою. Относительно „зеленой" армии начну так:

„Был я у сестры Марии Алексеевой Царевой в деревне Бессоново в гостях, в один из вечеров, ничего не подозревая, выходил на улицу гулять. На этот день была объявлена мобилизация; сидели все из молодежи, начали говорить, что до 18 июня надо явиться обязательно. Гражданин Николай Зазулов и говорит: „Я не пойду", говорили так и все остальные, в том числе и я, после чего я задал вопрос: „Если мы не пойдем, что будет", и мне отвечали: „Нас переловят", а кто-то из молодежи сказал: „Уйдем в зеленую" армию, я и говорю, что слыхал, есть „зеленая" армия в Хотеичах [1]), все начали говорить „да, есть", официально никто не знал, и мы говорили, что,—я в точности не помню, но кажется,—что хотели собрать всех дезертиров и спросить их, кто пойдет служить, кто не пойдет, для того

---

[1]) Хотеичи дер. Усмерской вол. Бронницкого уезда.

чтобы узнать, сколько нас человек, и скажем в других деревнях, желают к нам присоединиться или нет. На этих основаниях мы и решили действовать.

„Поставили всем в известность, что старшим назначен Николай Зазулов, в других же деревнях они предлагали меня, но я отказался, ссылаясь на то, что меня никто здесь не знает. Николай Зазулов и говорит, если меня назначили старшим, то я должен подчиниться, что его первого заберут, вы же тогда подбегайте меня выручать, и потом добавил: мы должны выручать каждого, и внес несколько слов для точности:

„Мы организуемся не для свержения власти, а для защиты своих интересов, чтобы одного не забрали, а забрали—так бы всех".

Николай Зазулов сходил в другие деревни и объяснил им, что деревня Бессоново не идет на военную службу, и сказал, чтобы все сходились в Мурашовский лес на общее собрание. Собрались на общее собрание. Н. Зазулова выбрали руководителем, а меня просили, чтобы я помогал ему, что сделать он один ничего не может. На собрании говорили известия, что здесь организация, там организация, и со всей волостью присоединимся к организации, к какой поближе, и будем держать связь, а относительно оружия Зазулов сказал одно: когда мы организуемся и примкнем к большой организации, то нам там дадут оружия, и все этому поверили. И вот случилось несчастье. Раньше всего пришла власть в деревню арестовать Н. Зазулова; ну, как видится, его не нашли дома, а ему сообщили, что в деревне Бессоново облава, он сам поехал в другие деревни и по дороге выстрел и дал, а я в это время был дома, когда вышел, то вижу по деревне все бегут куда-то, старые и малые. Пошел и я на де-

ревню,—там уже около комиссаров собрался народ, о чем-то спорили, подошел и я, постоял, послушал, и некоторые слова говорил, как и другие.

„Стояли мы долго, народу собралось много, кто-то из толпы крикнул „бей“ (я даю честное слово, не заметил, кто крикнул). Все бросились к комиссару, а я в это время говорил с товарищем, которого я не знаю фамилии, и не знаю—кто он, комиссар или нет, но он без ноги и на костыле, но толпа уже била комиссаров и стреляла в них. Но у меня оружия не было, ни при мне и не было дома, и я никого пальцем не трогал.

„После всего, как убили их, все стали передавать друг другу, что Н. Зазулов сказал собираться около кирпичного завода.

„Я пошел к сестре, пообедал, меня зять и сестра ругали, что я связался с ними, жил бы, никто бы тебя и не знал и не узнал бы, а теперь вот попадет вам,—говорили мне они.

„Я пообедал, оделся и пошел туда на собрание. Дошел до деревни Леоново, увидел людей, двигающихся в лес, и я пошел туда.

„Я говорил, чтобы остановиться всем в лесу у дачи Разоренова, но меня никто не послушал, а пошли в лес, где расположились на опушке.

„Я спросил: „Где Николай Зазулов“, мне сказали, что он пошел с партией, и часть людей поехала на лошадях, которых взяли на даче в деревни Федоровке. Мы стали ожидать, когда соберутся все. Собрались все на опушке и пошли на деревню Федоровку, ходили, ходили по лесу, и мы послали на лошади в деревню Хотеичи узнать, есть ли там организация; оказывается, там ничего нет, и все наши дезертиры повесили головы.

„Но есть хочется, стали приближаться к деревне, подошли к деревне Новоселово, нас обстреляла облава, и мы разбежались по лесу. Я выбежал на деревню Лашино и решил идти в деревню Маринку, а там в Москву, это было 19 июня утром. Пришел в деревню Левычино, попил молока и пошел в Маринку. Это было в субботу, а в воскресенье 22-го я приехал в Москву и был у брата на Николо-Ямской, Крутоярский переулок.

„Эти дни ходили по городу, а брату сказал, что я приехал в отпуск на две недели, стоит наша часть в Минске. И вот в пятницу меня арестовали, и никого я больше не знаю и врать не хочу, клянусь чистой совестью, что больше ничего не знаю.

„А относительно партийности скажу откровенно, что я беспартийный и ни в какой партии не состою и никого по фамилии не знаю, кроме Н. Зазулова, потому что я в их деревне мало был и не интересовался никем, а почему я помогал агитировать, что не итти, это потому, что я 8 лет служил на старой военной службе и был ранен, несмотря на то, что был старшим писарем, и мне не хотелось итти, и страшно этой службы боялся.

„И теперь скажу: если вы дадите мне жизнь, то я страшно боюсь войны и мне нежелательно итти, а уж если угодно судьбе быть мне на войне, я против силы и воли не могу ничего сделать.

„Бегать все время и скрываться я не намерен, и я впоследствии решаю лучше умереть на фронте за борьбу и за свободу с буржуазией, чем издохнуть с голода.

„И теперь прошу вас, товарищи, не трудитесь из-за меня; сказать ничего не могу, а лучше умру с чистыми словами своей совести. Гр. Иван Силин“.

Дополнение к показанию гр. Силина 28 июня 1919 г.

Вопрос: Говорил ли вам Николай Зазулов, что у него есть адреса, где имеются большие организации и где есть оружие?

Ответ: Вот, что мне говорил Зазулов: „Нам, говорит, нужно соединиться с ними“, а я адреса эти не читал у него и не знаю. Потом он говорил, что из Ашиткова фабриканты благодарят его за организацию, а кто именно, он не сказал.

А относительно, кто убил комиссаров, я их не знаю, знаю только одно, бежал с винтовкой из деревни Леоново, а фамилия его не знаю, а после говорили, какой-то Махоткин, а откуда он—я не знаю, из какой деревни и что он первый стрелял из винтовки. И вот моя вся священная клятва, и больше добавить ничего не могу.

Теперь судите сами, в чем я прав и в чем виноват: искупить свою вину желаю фронтом на передовую позицию, с тем заканчиваю свое показание. Гр. Иван Силин.

Я лично сам говорил одно, что не нужно воевать, не нужно итти, а другие подстрекательства я не делал и ничего не обещал, никакую связь ни с кем не обещал держать, а сам теперь не могу отдать отчета себе, зачем говорил, и что я думал в то время, и к чему я пошел с ними в эту организацию.

Лошадей с дачи угнали до меня, я не знаю, кто их угнал, и даже не пришлось спросить, кто вздумал забрать лошадей.

В общем все это случившееся я очень жалею.

Еще раз клянусь, больше ничего не знаю; пусть мне будет смерть, но показать я больше ничего не могу, при всем моем желании.

И еще добавлю, что я беспартийный, это даю свое честное слово. Гр. Силин Иван.

Протокол

1919 г. июня 20-го. Я, следователь Московской губернской чрезвычайной комиссии Соколов и член Орехово-Зуевской уголовно-следственной комиссии тов. Ерасов опрашивал в качестве обвиняемого в выступлении дезертиров, сорганизовавшихся в зеленую армию, который показал: Алексей Антонов Круглов-Зайцев 21. гр. деревни Щербово, Усмерской волости Бронницкого уезда, в настоящее время считаюсь дезертиром. С мая месяца служил в Москве в 21 арт. легк. дивизионе. В зеленой армии я состоял и во время боя участвовал.

Вопрос: Кто убивал членов Усмерского волостного Исполкома тт. Воронцова, Королькова и Блажнова?

Ответ: Королькова убивал в присутствии меня Кузнецов; Воронцова как убивали, мы не видели, Блажнова убивали, когда мы подходили, кто застрелил,—я не знаю".

Вопрос: Сколько времени вы состояли в зеленой армии, кто организаторы этой армии, цель ее, сколько раз было у вас собрание, количество армии?

Ответ: Состоял я дней пять, главными организаторами были Зазулов Николай Павлов, Аксенов и Горячев Александр Иванович из деревни Старой; цель была такая, т.-е. на собраниях, которые устраивались в лесу, говорилось Николаем Павловым Зазуловым, что нам власть такая не нужна, нам нужно разбить совет и уничтожить всех коммунистов, так как они раньше кричали „долой войну", а сами воюют, дальше были предложения взорвать мосты, испортить железные дороги.

Вопрос: Каким путем происходила организация зеленой армии, кто первые организовались?

Ответ: Зазулов, Аксенов, Горячев, потом назначили от каждой деревни представителя, в которое число был назначен я, было назначено собрание этих представителей, на котором была поставлена цель переловить по-одиночке всех коммунистов, привлекать всех дезертиров каждой деревни в зеленую армию.

Вопрос: Кто отбирал деньги у убитых товарищей?

Ответ: Деньги отбирались бессоновскими мужиками, переданы мне, из которых я истратил на покупку табаку 120 руб. и молока куплено на 250 руб., остальные деньги находятся у моей сестры.

Вопрос: Куда делись остальные деньги, так как денег отобрано было 2700 руб.?

Ответ: Что остальные деньги тоже у меня, переданы братишке, а также передан портмоне; документы, которые находились вместе с деньгами, я порвал.

Вопрос: В каком количестве была ваша зеленая армия?

Ответ: Сказать не могу, но участие принимали нижеследующие деревни: Рословлево, Конобеево, Бессоново, Старая, Чечевилово, Медведево, Усадищи, Линденка, Федоровка, Новоселово, Никольская, Богатищево, Пушкино, Левычино, Хотеичи и, по словам организаторов, что имеется связь с Зуево-Ореховым, списки были представлены Зазулову, но наша деревня списка не представляла.

Вопрос: Сколько у вас имелось оружия, и откуда оно получалось?

Ответ: Винтовок было штук 25, револьверов 20 штук, у меня лично была бомба. Больше показать ничего не могу. (Вставлен ответ, что имеется связь с Орехово-Зуевым.)

Протокол

20 июня 1919 г., я, следователь Московской губернской чрезвычайной комиссии, Соколов совместно с членом уездной Бронницкой комиссии, по создавшемуся положению выступления дезертиров в Усмерской волости, допрашивал Голицына Петра, происходящего из деревни Бессоново Усмерской волости, Бронницкого уезда, 42 лет.

Вопрос: Состоите ли вы в партии, сколько времени состоите и что побудило вас войти в партию?

Ответ: В партии я состою лишь один месяц и вступил потому, что я все время стою за эту партию, т.-е. с 1905 г. шел все время против попов и буржуев.

Вопрос: Говорили ли вы тов. Гусеву, когда у вас спрашивали, кто это дал выстрел и кто это поехал, что выстрела никто не давал и кто поехал—не видали?

Ответ: Говорил.

Вопрос: Знаете ли партийную дисциплину и что вы должны были делать, коммунист, когда товарищи ваши находились в опасности?

Ответ: Знаю, но помогать я не мог потому, что я физически слаб.

Вопрос: Почему же вы слышали выстрел, а сказали—не слыхали?

Ответ: Дать не мог.

Вопрос: Как, вы человек партийный, и партия коммунистов борется с дезертирством, а вы не доносите даже о тех дезертирах, которые находятся у вас в деревне?

Ответ: Есть моя вина.

Вопрос: Почему вы как коммунист знали, что уже убито трое товарищей, и не изволили явиться в партийный комитет, а дождались, пока вас не арестуют?

Ответ: По случаю болезни.

Вопрос: Где вы находились в то время, когда были схватки между товарищами коммунистами и дезертирами?

Ответ: Стоял с мужиками.

Далее товарищ Голицын добавил, что раньше он был баптистом и что, по-евангельски, крови проливать, по его убеждениям, нельзя. Баптистом он стал с 1914 г., с августа месяца, как только попал в плен в Германию и там стал посещать их собрания. В партию коммунистов вступил с мая месяца в первых числах.

Протокол

1919 г. июня 20-го дня. Я, председатель Уголовно-следственной комиссии Лепешкин, допросил сего числа гр-на деревни Бессоново Усмерской волости, он же председатель сельского совета вышеназванной деревни, Сергея Федорова Федорова, 42 лет, по делу происшедшего нападения на представителей советской власти, при допросе показал следующее: 18 июня прибыл в деревню Бессоново председатель Усмерского совета Василий Иванович Воронцов и другой с ним член волостного совета Кузьма Корольков и просили председателя сельского совета Федорова итти с собой. Пройдя несколько вдоль деревни, мы остановились, и около нас собралась толпа народа деревни Бессоновой; когда председатель совета Воронцов стал призывать граждан и обращался к дезертирам, чтобы они отправлялись на фронт для защиты советской власти, разъясняя значение важности фронтов, далее добавлял: „если же вы не пойдете на службу, то будет плохо". После этого прибыли еще три

представителя из местного совета: 1) Харитонов, 2) Кудряшев, 3) фамилии которого я не знаю, и совместно со мной, Федоровым, пошли на обыск к гражданину той же деревни Павлу Кузьмину Зазулову. Кроме меня, Федорова, был приглашен понятой, Борисов Иван Васильев, который отказался. После сего было приступлено к обыску. Обыск был произведен до конца. После окончания обыска мы направились вдоль деревни. Трое бывшие со мной на обыске направились по направлению к деревне Бочевино, а я, Федоров, направился домой. Что было у нас в деревне на митинге, я, Федоров, ничего не видал, только когда послышалась стрельба за деревней, то масса людей стала стекаться со всех сторон. Боясь нападения на меня со стороны дезертиров, я, Федоров, из дому не выходил. Как произошло убийство в нашей деревне Бессоново, я, Федоров, ничего не знаю. Спустя того, как прекратилась стрельба, меня уведомили, что в деревне Бессоново убито три человека. Кто уведомил меня об этом, я не могу дать определенных фамилий. Когда я вышел на улицу деревни и направился вдоль ее, в действительности увидел в разных местах лежащие трупы. Когда я осмотрел все трупы, то узнал в лице их членов Усмерского совета, тт. Воронцова, Королькова, Блажнова. После этого мною была наряжена сходка граждан, чтобы обсудить, как поступить далее с убитыми трупами, и было постановлено, чтобы уведомить советскую власть о происшедшем, и мною, во-первых было заявлено начальнику волмилиции, который и принял меры в дальнейшем. Что касается виновных, участвующих в убийстве, указать ни на кого не могу. С моей стороны был назначен караул у трупов, из граждан деревни Бессоновой:

граждане Алексей Иванов Русаков, Афанасий Александров Рульков, Василий Иванович Кутьев, Иван Кузьмин Исаев. Более добавить ничего не могу, написанное мне прочитано: С. Федоров.

Председатель Уголовно-следственной комиссии Лепешкин.

Протокол

1919 года июня 20-го дня, я, председатель Уголовно-следственной комиссии Лепешкин, сего числа допросил гр-на деревни Бессоновой, Усмерской волости Ивана Семеновича Сухарева, 22 лет, который показал нижеследующее: 1919 г. в январе месяце, возвратившись из германского плена, поступил на службу на советскую мельницу, Кустаревская, Усмерской волости, и работал вплоть до 19 сего июня, даже не знаю, что были ли мои года призваны. На мельнице я работаю на определенное число часов и как, что происходило в нашей деревне 18 июня я совершенно ничего не знаю. В этот же день, когда я был в волостном совете, утром увидал тов. Морозова, члена совета земельного отдела, который мне сказал, что вы должны явиться на службу, иначе вы считаетесь как дезертир. Тогда я попросил тов. Морозова, чтобы от меня принял все имущественное состояние мельницы. Окончив в 6 часов вечера работу на мельнице, я возвращался на своей лошади домой в деревню Бессоново. По дороге мне сообщила встретившаяся девица Анна Сенькина, которая работает на молочной ферме в имении Морозова, что в деревне Бессоново убили Воронцова и Королькова. Приехавши в деревню, отпряг лошадь и отправился посмотреть убитые трупы. Идя по деревне, мне крикнули: „Вот как расправляемся мы с вашим братом“,

а кто крикнул из толпы, я не мог определенно заметить, так как убитые лежали врозь; пройдя далее, опять услышал те же слова уже от женщины, 1) жена Рулькова, 2) девица Графова кричала: „Бейте мельника, он тоже коммунист“. Я, конечно, со своей стороны никаких мер не принял, кроме возражений. Более добавить ничего не могу, написанное мне прочитано. И. С. Сухарев.

Председатель Угол.-следствен. комиссии

Лепешкин.

Протокол

1919 г. июня 20 дня я, председатель Уголовно-следственной комиссии Лепешкин, допросил сего числа гр-на деревни Бессоново Ефима Григорьевича Чемакова, 61 года, при допросе показал следующее: 18 сего июня, после возки дров, я приехал домой и пошел в баню; после того как я вымылся, пришел к своему дому, то увидел собравшийся народ около соседнего дома. Я подошел и стал слушать и вижу, что говорит Воронцов, который призывал на защиту советской власти и отвечал на заданные ему вопросы, где вступил с ним в прения Иван Алексеев из деревни Марьинки Ашитковской волости, который резко ему протестовал, я конечно, стал прозябать и пошел в свой дом одеться; войдя в дом, вдруг слышу стрельбу и крик; взглянув в окно, увидал бегущий народ; когда это было все успокоено, тогда я вышел из дома и увидел лежащего человека убитым, в котором я узнал тов. Воронцова, а кто убил его, я не знаю, после сего я увидел, что Зазулов и вышеупомянутый Иван Алексеев, который проживает временно у нас в деревне, у сестры

Марии Алексеевны Царевой, едут на велосипеде по направлению вдоль деревни, и потом, когда Зазулов поравнялся, где было собрано ранее собрание, слез с велосипеда и направился к себе домой и тут же возвратился, идя и крича: „Мы им покажем", а у Зазулова что-то было набито в карманах, и Зазулов направился к лесу, и я больше никого не видал. Более добавить ничего не могу. Протокол прочитан. Е. Чемаков отозвался неграмотным.

Председатель Следственной комиссии Т. Лепешкин.

Протокол

1919 г. 21 июня, я, сотрудник Московской губ. чрез. ком, допрашивал по делу о выступлении дезертиров гр. деревни Бессоновой Василия Ивановича Шибова 40 лет, который показал: что слышал, организуется банда дезертиров и что организатор был Зазулов и Иван Силин. На вопрос, кто убивал коммунистов, ответ: „я в это время был в лесу, собирал дрова и по этому делу ничего не могу сказать".

Протокол мне прочитан, в сем расписался за неграмотн. присут. Михаил Кирилов.

Протокол

1919 г. 21 июня, я, сотрудник Московской Г. Ч. комиссии, допрашивал по делу о выступлении дезертиров гражданина деревни Бессоново Ивана Чеманкова, 55 лет; который при допросе показал: на вопрос, кто организовал банду дезертиров и кто организатор, и кто убивал коммунистов? Ответ: Знали мы, что организованы дезертиры, организатором коих были Зазулов

и Иван Силин, а что они хотели сделать, этого не знаю. Больше показать не могу, протокол мне прочитан, в чем подписался Иван Чеманков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

судебного врача Исаева, приложенное к протоколу осмотра трупов убитых дезертирами коммунистов—Королькова, Воронцова и Блажнова

Основываясь на достаточно ясных данных наружного осмотра и учитывая обстоятельства случая, можно заключить, что смерть Королькова последовала от паралича, при явлениях внутригрудного излияния, вследствие получения двух сквозных огнестрельных ранений в области сердца, на небольшом расстоянии.

Смерть Воронцова наступила от паралича сердца, потери большого количества крови и могущей быть воздушной эмболии, при явлениях внутригрудного излияния, вследствие нанесенного дырчатого ранения в область передней поверхности грудной клетки каким-нибудь железным холодным орудием или штыком на близком расстоянии от убитого.

Смерть Блажнова, сраженного одним огнестрельным ранением, наступила от повреждения спинного мозга в области верхних грудных и нижних шейных позвонков, а также сосудов и нервов, важных для жизни организма, при потере большого количества крови. Нет сомнения в том, что сраженный смертельным ранением Блажнов подвергался еще ударам, нанесенным камнем или другим каким-нибудь холодным оружием.

Судебный врач Д. Исаев.

ПРИКАЗ № 10

Бронницкого уездного комиссара по Усмерской волости

26 июня 1919 г.

§ 1

Организованное кулацким элементом восстание под руководством эсеров, т.-е. защитников кулаков и помещиков, стремящихся вырвать власть у рабочего и крестьянина и передать паразитическому элементу,— ликвидировано и вырвано с корнем. К негодяям и шкурникам, дезертирующим с фронта, стремящимся к уничтожению честных защитников рабочей и крестьянской Красной армии в трудные переживаемые минуты, под натиском кулацкого элемента и белогвардейских банд, принята высшая мера наказания.

Обращаюсь ко всем гражданам Усмерской волости не допускать организовываться негодяям и паразитам, которые нарушают планомерное строительство, а также и спокойную жизнь граждан, принося тем самым бедствие и без того исстрадавшемуся русскому народу.

Ввиду полного подавления постыдного выступления в Усмерской волости военное положение снимаю с 22 часов 28 июня 1919 г.

Призываю граждан к бдительности и охране своих интересов и напоминаю, что будут приняты самые репрессивные меры против укрывателей дезертиров.

Военный комиссар Бронницкого уезда

А. Блохин.

ПРОТОКОЛ

заседания президиума Следственной комиссии по делу восстания дезертиров в Усмерской волости.

Присутствуют: тов. Гусев, Соколов и Клюев.

Председательствует тов. Гусев, при секретаре тов. Клюеве.

Заседание открыто в 11 часов 40 минут.

Повестка дня

1. О дальнейшем ходе работы по делу.
2. О содержащихся под стражей.

Слушали:	Постановили:
1. О дальнейшем ходе дела вообще.	1. Дело передать в Московский Губернский Трибунал, а список скрывающихся организаторов восстания передать в Отдел Общего Управления для немедленного розыска таковых и предания их Суду Революционного Трибунала, и содержащихся под стражей в Бронницкой Уездной тюрьме перечислить содержанием за революционным Трибуналом, и предложить Отделу Управления Бронницкого Совдепа препроводить таковых в Московский Губернский Революционный Трибунал, а также дело о восстании дезертиров в Усмерской волости передать в Отдел Общего Управления для немедленного вручения в Московский Губернский Революционный Трибунал.
2. О содержащихся под стражей: Васильев Павел, Могуев Никита, Куликов Григорий, Нефедов Николай, Шагов Василий, Шагов Иван, Конюхов Александр, Орлов Петр, Орлов Иван, Лашков Иван, Зайцев Иван, Соколов Максим,	2. Васильеву Павлу предъявить обвинение, как злостному дезертиру, брат коего был руководителем восстания дезертиров, а посему постановили содержать его под стражей. Могуеву Никите предъявить обвинение, как дезертиру и участвовавшему в цепи зеленой армии, а посему постановили содержать его под стражей.

Слушали:	Постановили:
Зайцев Павел, Зайцев Василий, Пугин Андриан, Пугин Дмитрий, Силин Иван.	Куликову Григорию предъявить обвинение в злостном дезертирстве и в снабжении бомбой зеленой армии, а также участвовал в убийстве и находился в цепях, а посему постановили держать его под стражей. Нефедову Николаю предъявить обвинение в злостном дезертирстве и отказе дать показание, а посему постановили держать под стражей до выяснения следствия, по окончании коего применить высшую меру наказания. Шагову Василию предъявить обвинение в злостном дезертирстве и в даче ложных показаний, как соучастника зеленой армии содержать под стражей и по окончании следствия применить высшую меру наказания. Шагову Ивану тоже. Конюхову Александру тоже. Орлову Петру предъявить обвинение в злостном дезертирстве, как вооруженному участнику зеленой армии, находившемуся при убийстве членов Волостного Совета, а посему постановили содержать под стражей и просить Суд применить высшую меру наказания. Орлову Ивану тоже. Лашкову Ивану предъявить обвинение в злостном дезертирстве и отпирательстве в даче показаний, а посему постановили содержать под стражей и по окончании следствия применить высшую меру наказания. Зайцеву Ивану, за отказ в даче правильных показаний, постановили содержать под стражей и дело передать в Рев. Трибунал. Соколову Максиму предъявить обвинение в злостном дезертирстве и участнику в вооружении зеленой

Слушали:	Постановили:
	армии, а также и в восстании таковой, постановили содержать под стражей и просить Рев. Трибунал применить высшую меру наказания. Зайцеву Павлу тоже. Зайцева Василия содержать под стражей и просить Рев. Трибунал выяснить, имел ли разрешение на право ношения оружия из полка, а также когда и на какой срок имел отпуск. Пугина Андриана содержать под стражей и привлечь к ответственности за хранение двух винтовок. Пугина Ивана тоже Силин Иван как злостный дезертир, организатор зеленой армии, а посему постановили содержать под стражей и просить Революционный Трибунал применить к нему высшую меру наказания.

Заседание закрыто в 12 часов 50 минут.

Председатель Гусев Н.

Товарищ председателя Г. Соколов.

Секретарь Клюев.

Цена 85 коп.

8883

